

АПРЕЛЬ

С 3 на 4 апреля 1920 г. Пасхальная ночь в Европе¹

«НЫНЕ СИЛЫ НЕБЕСНЫЕ С НАМИ НЕВИДИМО СЛУЖАТ»

Н.К. Рерих. Пасхальная ночь.

Н.К. Рерих. Святой голубь. 1920.

3 апреля 1920 г.

РЫЦАРИ ГРААЛЯ

Итак, они узнали Чашу Грааля. Сидели за круглым столом, сняв с него белое покрывало. Над ними висел ало-пурпуровый язык пламени. А вверху трепетало изображение Святого Голубя. В трепетных лучах переливались крылья. А со стен смотрели лики необъяснимой красоты. Воздевались руки несказанной прелести и из флаконов кропили священные составы.

На груди у каждого покоился талисман, найденный по точному указу и предшествованный изображением, данным за день до его нахождения. Голубым светом сияли лица и сияла белая одежда. И непонятно было, чтобы пур-

¹ Православная пасха - 11 апреля 1920 г.

пурное пламя озаряло бы столь голубым светом. И воздевался престол, а в музыкальном инструменте гудели глубокие звуки Благовеста. И по лицам, и по рукам сидевших бродили дуновения вихря и касались их пожатия рук невидимых. Составлялись дивные слова, и кипела вера. И шёпот жизни уже не стеснял душу. И возносилась исповедь лучших помыслов.

Они шли путями верхними.

Ах, я не прибавлю ни одного своего слова!

Вызывались они звуком невидимой струны.

Предупреждались стуками в стол.

С закрытыми глазами рисовались прекрасные изображения. Веял прохладный вихрь и переливались белые, зелёные, фиолетовые и синие нимбы. Вот были дни!!! И тяжело было хранить тайну и не предупредить и не возвестить. Да и кто придёт? Разве любопытствующие? Или вопрошающие о завтрашнем дне? И чем скажете вы ту гармонию, которая говорит: «Если они придут, ты скажешь - будет благословенно! Если они не придут, ты скажешь - будет благословенно! И вознесённый скажешь ты, и отягчённый скажешь ты».

И в чистых помыслах возросла давняя мечта жизни: Уйти, быть взятым для труда и для радости познания. Они придут. Так просто утром придут. Им откроют двери. Они войдут и очистят. Уничтожат благим огнём лишние земные предметы и усыпив перенесут в страну сказки, где сокровища блага, где хранилища мудрости, где должны возникнуть священные изображения.

Ах, мечта жизни! Неужели настало время исполнения? И стройными рядами выступают подтверждения. И каждое слово свыше находит объяснение в прежних делах, снах и чувствованиях.

Мы ведь знали, мы ведь чувствовали. И сквозь ужас жизни подходило оно и крылом лёгким, горним дуновением обвевало и раньше. И если ещё не звучали струны и если не смотрели со стен Лики, то в снах они уже были близко, а «случайности жизни» и раньше сплетались в стройную повесть.

Ах, не разрушайте то дивное, что увидели мы.

И где найти крепость, чтобы и в жизни сохранить бодрость горнего вихря?

Проносятся мириады рыб. Открываются бездны всевидящих глаз. Кружатся таинственные вихри. Вихри знания! И чудесные руки подносят священные предметы и возжигают в руке свечу.

Сохраните нам этот свет. Допустите нас видеть и знать нашу сказку:

«Я — твоё благо, Я — твоя улыбка, Я — твоя радость, Я — твой покой, Я — твоя крепость, Я — устремления, Я — твоё знание!»

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 1. М. 2007.

4 апреля 1920 г.

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

Berlin 4/IV 920

Дорогой Николай Константинович. Пасха; Поздравляю Вас, я люблю эти дни, эту ночь. Всегда прогуливаюсь по улицам и прислушиваюсь к людским голосам. Мне в эту ночь самая поступь людская кажется более честной. До глубокой юности я ещё верил в людей, любил их, вот и в эти дни юность всегда возвращается ко мне, а потому я снова быт людей идеализирую. Подумайте только, это после 3-х лет среди большевиков! Должно быть, мне не суждено быть взрослым. А Вы так мило пишете о «моём мудром искусстве». Я, пожалуй, стал немного злее, но для мудрости всё-таки недостаточно зол и добр. И разве, дорогой Н.К., ещё живёт мудрость на земле? Ах, если бы она ещё жила! Бывают у меня дни, минуты, вернее, когда я так ясно вижу свои холсты, так трезво и абсолютно вижу, что мне приходит в голову сравнивать их с теми произведениями искусства, которые я видел на моём веку и которые запомнились. И тогда мне начинает казаться, что мои холсты лишь истраченный материал, и в них нет произведения, нет искусства. Но чем дальше я думаю на эту печальную тему, тем более прихожу к заключению, что и в настоящих-то произведениях тоже нет мудрости... Ибо она была не в них, а во мне самом. Становится жутко. По счастью это бывает очень редко, при каком-нибудь катастрофическом моменте, переживаемом целым народом или моей эманацией грядущих ужасов; или когда борьба с «гадами и змеями» становится невыносимой. Или мои «маски», в разнообразии своём раскрыли глаза мои слишком, заведя в тупик иронического однообразия.

Итак, становлюсь более злым, чем должен по моей природе. Вам послал одну из подобных масок - «большевика», но в этой вещи ещё остался след христианина. Ещё послал Вам рисунок мужика-солдата, вошедшего в книгу «Расаея» и два подкрашенных рисунка из книги «Intimite».

Мне было бы весьма приятно, если бы мой выбор этих вещей не причинил бы Вам какого-либо беспокойства. Книги мои имели успех, вот почему я выбрал эти рисунки, тем более, что оригиналов у меня осталось очень мало. Масло же, моя вещь из последних, ещё не была нигде на выставках.

Я очень удивлён, Н.К., что Ваши работы, разошедшиеся в таком количестве не оставили за собой хороших фотографий. Вам бы следовало ещё до выставки и на таковой просить снимать Ваши вещи. В Берлине прекрасно работают, стоит 25 м., а повторение всего 5 м. Я начал заказывать с лучших вещей снимки. Это всегда нужно.

Как было бы приятно здесь похвастать Вашими работами в какой-нибудь редакции. Видел репродукции Ваших картин к «Пер Гюнту» в немецком журнале «Чичеронэ» (кажется) у <... > в одном номере с его работами. Сейчас <... > уехал в свой домик в Баварию на лето. Хотел у него узнать, где можно достать этот номер для Вас, полагаю, что это было не в этом году напечатано.

Сегодня пишу ему об этом.

Архив Музея Рерихов, Москва.

17 апреля 1920 г.

Письмо И. Билибина к Рериху Н.К.

Дорогой Николай Константинович,

Привет! Пишу Тебе из Ливийской пустыни из-за колючей проволоки. Но прежде чем изложить Тебе, как я попал в Африку, сделаю некоторое отступление в область недавнего прошлого.

Два года я просидел у себя в Крыму, и это было хорошее время. Я жил совершенно один, был себе и дворником, и поваром, но был сам себе и хозяином и художником. В общем, не раз приходил к нулю в финансовом отношении, а потом появлялись какие-то незначительные рубли, которые быстро таяли. Пережил первых большевиков, немцев, французов, первых добровольцев, вторых большевиков и вторых добровольцев. Большевики не трогали, т.к. я был на положении безобидного художника, хотя, между прочим, я чуть не был взят на службу вторыми большевиками, но отвертелся.

Первую зиму я прожил в Бати[лимане] почти один, а вторую вместе с моими большими друзьями, с семьёю Чириковых.

В конце лета 1919 г. Чириков и я получили приглашение приехать в Ростов на службу в Отдел Пропаганды (Осваг). Я получил очень патетическое письмо от Е.Г. Лансере, где он писал, что ехать в Ростов на службу Доброармии есть долг каждого, и пр. и пр. Ну, и поехали. В Ростове Е.Г. Лансере, я и бар. Рауш составляли из себя при Отделе Пропаганды Художественную Коллегию (должность по V классу, и Рауш ходил в погонах Ст. Сов.), т.е. высшую художественную инстанцию при Осваге.

Жить в Ростове было скверно: до невероятия переполнено (я только через три недели спанья на полу раздобыл себе конуру буквально величиною с железнодорожное купе); цены росли с каждым днём, сосредоточиться на какой-нибудь работе было трудно. Когда я прибыл в Ростов, то общий клич был: «На Москву!», и мы начали даже обдумывать темы будущих воззваний и манифестаций к московскому населению; уверенность была полная. Вскоре, однако, волна хлынула обратно, тревога постепенно нарастала и, в конце концов, приобрела панический оттенок. Хаос царил невероятный. В двадцатых числах декабря, за несколько дней до падения Ростова, мы с Чириковыми с большими трудностями перебрались в ещё более переполненный и перегруженный Новороссийск.

Родители Чириковы остались на несколько дней в Екатеринодаре, а я с двумя барышнями приехал в Новороссийск, где мы после многодневных мытарств нашли приют в одной канцелярии, где я спал на столе вместе с какими-то рассыльными, а Чириковские дочери в кабинете начальника. Вши попадались. Вы не можете себе представить, как завшивел весь юг России; все, и культурные, и некультурные люди занимались этой охотой; наиболее распространённое название этих милых насекомых «танки». Сейчас некогда описывать все эти перипетии нашего свинарского житья. Цены взлетели до невероятной высоты. Самые дешёвые предметы стоили сотни рублей. 250 р. ф[унт]. колбасы; 400 р. ф[унт]. масла и т.д., и т.д. Конец в городе (город-то невеликий) на извозчике в декабре стоил рублей 200, через недели полторы рублей 500-600, а потом уже и тысячу, и даже более. Какие-то деньги имелись, зато и мы их не жалели - сорная бумага, старые тряпки. В общем, какая-то вакханалия дороговизны и отсутствия ценности в одно и то же время. У меня, например, украли из кармана кошелёк. – «Экая обида» - говорил я. – «Там был ключик от чемодана» - «А сколько денег?» - спрашивали меня. – «Да ерунда, с чем-то две тысячи». И действительно, это было всё равно, что потерять рубля два, даже меньше.

В сочельник заболела сыпным тифом младшая Чирикова, Валентина, канун Нового Года и другая, Людмила. Эпидемия была ведь невероятная. Приехали родители их из Екатеринодара. Мы поместили больных дочерей в срав-

нительно хорошую больницу, а затем родители Ч. уехали в Крым, где младший сын их находился на военной службе. Я остался при больных верным стражем и опекуном. Я ежедневно ходил в больницу, носил им разные снеди; а к тому времени, когда обе начали выздоравливать, выяснилось, что надо, пока было время, куда-нибудь выбираться, большевики заседали, Крым казался местом тоже временным и ненадёжным. Я же (мне это было известно ещё в Ростове) был объявлен большевиками вне закона, так что встречаться с ними мне было нельзя. В Новороссийске была объявлена запись на английскую эвакуацию.

Чтобы иметь какие-нибудь деньги, я продал одному местному коммерсанту, Бейкшну, торговавшему маслинами, салом, мёдом и ещё чем-то и желавшему стать коллекционером, несколько своих вещей (штук 7 или 8) за 300 000 рублей. Правда, сумма, звучащая гордо? Ведь прежде выигрыш в 200.000 был обеспечением на всю жизнь. Но когда я превратил всю это гордую сумму в фунты стерлингов (по курсу от 4 до 6 тыс. за фунт), то у меня оказалась жалкая пачка в 70 фунтов, а нас трое!

Ещё недели за три, за четыре до отъезда из Новороссийская, в разгар болезни Чириковых, я познакомился там с одним чехом, занимавшим видное место в издательской, и вообще, в литературной и газетной части в Праге. Он предложил мне приехать туда. Туда же он звал и Е.Н. Чирикова, которому я с оказией послал письмо в Крым.

Было решено, что мы двинемся в Прагу.

22-го февр. ст. ст., как после оказалось, ровно за 10 дней до взятия большевиками Новороссийска, мы двинулись на пароходе «Саратов» на Константинополь. Дни были очень тревожные. Начинались местные большевистские брожения; так, например, за день до нашего отплытия местными большевиками были выпущены все уголовные арестанты из тюрьмы. Пахло надвигающейся катастрофой и близким концом. Поместились мы втроём, вповалку, на полу. Хотя народу было и очень много, но всё же был какой-то порядок. Как мы узнали уже здесь, наш пароход был последний с регулярной эвакуацией. Что было после нас, поддается трудно описанию: говорят, что садившиеся спихивали друг друга в воду, стреляли из револьверов, и т.д.

Не знаю, что случилось с Лансере. Он не эвакуировался, т.к. семья его осталась в Ростове. Он поговаривал, что, в случае крайности, будет бежать в Грузию. Его семья меня очень беспокоит. Он такой очень милый человек.

На другой день, по отплытии, ещё до Константинополя, у нас появились сыпно-тифозные больные. Потом начались наши мытарства, В Босфор мы вошли с жёлтым сигнальным флагом, а жёлтый сигнал – плохая штука: на пароходе, дескать, имеются заразные. Простояли день у каких-то строений в Босфоре, не доходя Константинополя, хотели нас мыть и дезинфицировать. Не вымыли, однако, а повезли дальше. Словно движущаяся панорама, проплыли мимо нас берега Босфора, какие-то старые крепости, потом, не останавливаясь, мы проплыли мимо Стамбула с его бесконечными минаретами и, не останавливаясь, вошли в Мраморное море. Проплыли мимо Принцевых островов, уже населённых русскими беженцами. Приплыли к какой-то Тузле на Малоазийском берегу. Стояли на рейде. Должны были нас мыть и чистить, а жёлтый сигнал развеивался. Простояли дня четыре на рейде, на берег никого не спускали. Но почему-то нас не вывели. Тиф на пароходе разрастался, насекомых умножались. Повезли обратно в Константинополь, остановились. Я с оказией послал письмо в Чехо-Словацкую миссию, причём мы с Чириковыми ре-

шили, если о нас известно, высаживаться в Константинополе и ехать в Прагу. Простояли дня три; стало известно, что пароход идёт на о. Кипр. На третий день ко мне прибыл посланный от чехов с извещением, что чехи окажут нам помощь в смысле временной остановки в Константинополе и продовольствия, но тут мы сделали великую ошибку, в которой сейчас очень раскаиваемся. Перспектива попасть на Кипр, туда, где из пены морской родилась Киприда, сделать там несколько этюдов, показалась нам очень заманчивой. Мы не знали ещё, что такое быть в гостях у королей.

Решили, воспользовавшись даровым проездом и бесплатными харчами, проплыть на Кипр, прожить там месяц-полтора, а затем, вернувшись, ехать в Прагу. Так было сказано и чехам. Двинулись дальше. Проплыли Мраморное море, Дарданеллы; два дня плыли по дивному архипелагу, вышли в Средиземное море, плыли два дня и подошли к Кипру, к городку Фамагуста. Отслужили благодарственный молебен (на пароходе было целых четыре священника), но, увы! Всё дело испортил всё тот же жёлтый флаг. Киприоты испугались нашего тифа, кори и скарлатины и мы, простояв три дня у пристани, конечно, не сходя на берег, поплыли дальше. Привезли нас на Александрийский рейд. Перед нами на плоском знойном Африканском берегу расстилался громадный город - много пальм, столь чуждых нашему глазу. На другой или на третий день нас, наконец, стали выгружать, и мы стали твёрдой ногой на плиты Александрийской набережной. Моментально нас посадили в какие-то вагончики, заставив предварительно погрузить самих в багажные вагоны свой багаж, и куда-то повезли. Так, через полчаса привезли к карантину, большому кольцеобразному одноэтажному зданию с большим круглым двором посередине, месту нашего заключения. Перед комнатами обнесённые железной изгородью квадратные дворики, совсем зоологический сад. Повели мыться. Холодный душ и кусочек мыла. Одежда была взята в дезинфекцию.

Потом начались дни карантинного томления. Спали рядышком друг с другом. В нашей комнате на нарах, правда, нас на тюфяках дрыхло 30 мужчин. Я был выбран уполномоченным от 168 чел., мужчин и женщин. Приходилось целый день ходить на кухню за продовольствием, делать рационы и, вообще, печься о целой куче народа. Бродили по кругу; гуляли со своими и чужими дамами; жаловались на тоску, без конца пили чай; спорили из-за рационов; поднимались бурные разговоры, кончавшиеся ссорами из-за кусочка сала или сыру; вообще, публика измелъчала и омещанилась, а ведь среди нас не только полковники (самый распространённый теперь чин) и офицерские жёны, но и профессора, литераторы и др. Работать было нечего, да и невозможно, когда изображаешь из себя селёдку в бочонке, наполненной другими сельдями. Просидели дней 10, а то и больше. Новые случаи тифа всё продолжались, ибо спали вповалку и насекомые не прекращались; мытьё же было чисто фиктивное. Наконец, нам объявили, что нас повезут куда-то под Каир, причём пообещали массу прелестей: 20 мин. езды в трамвае до города, свободный проезд в Каир, возможность проехать к пирамидам и в др. места, и пр., и пр. Три дня откладывали наш отъезд; наконец, нас посадили в поезд, и мы тронулись. Вдруг мы узнаём, что нас везут не в Каир, а в Тель-Эль-Кабир, в пустыню между Каиром (два часа до Каира по ж.д.) и Суэцким каналом.

Нас надули самым безбожным образом!

Промелькнули в окнах вагона тучные обработанные равнины Египта, Серо-жёлтый Нил в плоских берегах, поросших камышом, тучные нивы, рощи

финиковых пальм, земляные деревушки местных жителей, ослепительно белые большие дороги, а на них арабы, едущие на микроскопических осликах, верблюдах, арбы с женщинами, одетыми в чёрное, всё очень интересно, но опять быстро и мимолётно, словно видовая фильма в кинематографе.

И вот пашни стали сменяться песками и, наконец, мы прибыли. У всех упало сердце. Сплошной голый песок; ни единого дерева; колючая проволока, а внутри палатки, это – наш лагерь. Тюрьма самая настоящая. Опять карантин.

Сказано, что карантин прекратится через десять дней или через две недели после последнего случая тифа, а у нас нет-нет, да и заболит кто-нибудь, а нас ведь тысяча.

Жара, безделие, споры о еде, абсолютная невозможность работать и тосчища неопишная. Люди осточертели; временами хочется всех убить, только бы не слышать вечных сплетен, споров и, вообще, человеческого голоса. Мои белые барышни, записанные моими племянницами, скучают ужасно. Я стараюсь их подбадривать и устно, и лакомствами, апельсинами и шоколадом. Вдобавок, задул хамс; это – знойный ветер пустыни, большой силы, несущий облака и песку.

Вот, вкратце, наши злоключения. Конечно, спасибо королю, что нас кормят, увезли от большевиков и спасли наши шкуры, но всё же иногда сидишь в палатке на чемодане, без всякого дела, и думаешь: полно, так ли? Может быть, я забыл, что убил или ограбил кого-то, а то за что же меня посадили за колючую проволоку?

Надеюсь (*dum spiro – spero – лат. [Пока дышу – надеюсь - ред.]*), что вырвемся. Мне необходим какой-нибудь англичанин или американец (конечно, не в концентрационном лагере, в Каире или Александрии), которому я мог бы продать что-нибудь из моих произведений и получить фунты, т.к. моих жалких денег (это из 300 000 р.!) недостаточно на троих, а Чириковых, конечно, я не брошу. В Каире есть русский посланник, но я не знаю, может ли он мне быть полезен. Говорят, что для полной свободы надо показать англичанам по 80 ф. на человека, а у меня одного неполных 70 ф., нас же трое, т. что нужно что-то кому-то продавать. Рисунки (этюды и пр.), правда, имеются.

Извини, что так долго утомляю Тебя, но мы давно не писали друг другу, я был бы очень рад, если бы получил от Тебя ответ – грядущий адрес мой неизвестен. Думаю, что самое верное «Каир», русскому консулу для такого-то (можно, вероятно, *poste restante*).

Мне бы хотелось, чтобы англичане знали, кто я, что я - известный художник с двумя племянницами, дочерьми известного русского писателя, а не просто рядовой русский беженец № 3374. Пока же я безнадежно пришит к этому безличному номеру.

После Ростова, после Новороссийской клоаки, после паровозного трюма, после карантинных и колючей проволоки так хочется настоящей культуры и возможности беспрепятственно окунуться в художественную работу. Я с грустью вспоминаю мою милую и уютную Крымскую мастерскую, но теперь туда не попасть.

В Праге я надеюсь приняться за продолжение русского эпоса, сказок и пр. В таком смысле я и говорил уже с Чехами.

Но, как говорит пословица, рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. М. б., есть какая-нибудь определённая работа в Англии, но опять-таки я еду с

моими обеими опекаемыми. Одна из них художница, т.е. не художница, а будущая художница, моя ученица уровня хорошей ученицы Поощренного класса графики.

Если бы явилась возможность ехать в Англию, то я должен получить оттуда именно вызов на английском языке с упоминанием имён обеих Чириковых, Людмилы и Валентины Евгеньевен. Такой вызов облегчил бы возможность вырваться из Египта, вообще, и из-за колючей проволоки, в частности. Письма посылать отсюда страшно трудно. Почему-то наши гостеприимные хозяева (они же - тюремщики) делают то, что письма цели не достигают и где-то испаряются. Письма мы посылаем с оказией.

Ну, всего хорошего. Мой привет Елене Ивановне. Кланяйся всем знакомым, кого увидишь.

Твой И. Билибин.

- Если ты знаком с Анной Серг. Милюковой, то м.б. ты покажешь ей это письмо; ей будет интересно узнать о судьбе Чириковых

Архив Музея Рерихов, Москва.

17 апреля 1920 г.

Письмо Б. Григорьеве к Рериху Н.К.

Berlin 17/IV 920

Дорогой Николай Константинович, давно нет от Вас писем, должно быть, Вы очень заняты выставкой. Думаю, она выйдет у Вас на славу, рад и счастлив этому. Провёл два дня к ряду с бар. Дризеном. Печальные впечатления! Как стареют люди ещё совсем не старые в изгнании, как они похожи делаются на раков! А казалось, сильному и бодрому на западе привольнее! Неужто ездили сюда раньше только ради обновок? Так себе, съездить, вернуться и похвалиться этим. Грустно и стыдно за всё. Много мы говорили с ним о нём, его «средах», об именах, среди которых многих я знал, и даже хорошо, но ни от кого не слышал о «средах» бар. Дризена. Впрочем, всё в России было скрыто и по своему вредно, если не сказать, недоброкачественно. Вот и результаты. Но не буду раком...

Бегут и бегут оттуда - и худые, и хорошие. Но где они? Неужто в Париже? Тогда завидую я Парижу, как прежде завидовал тем, кто живёт в Париже. Да, хороших сильных людей теперь хотел бы видеть чаще, что-то с ними придумать, как-то образоваться, окрепнуть – назло врагам. А их всё больше, совсем заели. «Мир искусству» надо утвердиться. К нему придут и прочие. Но не хочется слов, а хочется дела. Возможно ли, скажите, чтобы мы собрались? Возможно ли в Америке? Не ближе ли – в Париже? Вновь там почти все. Только и слышишь, что о Париже. Вы обещали, кажется, быть там в мае? Конечно, Вам будет ясно всё. Мне думается, что всюду, только не тут, возможны: и жизнь, и строительство. Уж слишком фальшиво и нарочито налаживаются «какие-то дела». В Германии, в особенности в русском направлении всего не скажешь и это весьма жаль. Но было бы поистине трагично, если б нам суждено было тут застрять. Можно сказать, что нам уготовано начинать сначала прожитую муку, да ещё быть сверхопытным зрителем «без слов». Дай Бог, чтобы нам никогда не пришлось хранить в себе подобных мыслей. А они очень мешают творчеству. Знаете ли, что меня сейчас утешает - Зоологический сад, я там брожу це-

лыми днями и добрые морды антилоп напоминают мне всегда Сержа Судейкина от глаз и выше. Лица кондоров, лица козлов, каких-то других птиц, каких-то иных тварей, и <...>, и бурёнок, и хитрых, все они напоминают мне уже виданных мною людей, а потом я, сдружась с ними, изображаю их в масках времени, ибо и в них несомненно произошла революция. Стоит только сказать себе: кончен старый мир и вы всюду начинаете слышать свободное хрюканье. Я, пожалуй, очень доволен эгоистически всем, что происходит на ещё белом свете, но если можно было бы перестроить себя так, чтобы только одна половина моя вмещает в себя все негодования и изумления. Но всё-таки, как хорошо в саду. Цветут даже мгнолии, глицинии и жимолость, миндаль, словно на юге! Это Берлин, он чудесен, и белыми кружевами уютно со своими детьми, колясками, шитьём, штолленами разгуливают немки, всегда аппетитные и точно праздничные. Но глубже – одна вода.

Пошлю Вам завтра журнал «Русь». Хорошо бы, если б Вы для него прислали Ваш призыв к художникам «Мир искусства», таким образом, и отклик случился бы тот самый, о котором Вы мне писали. Вам надо это сделать и в Париже, и в Лондоне в русских органах печати. Вокруг Вашего имени скорее соберутся. Ко мне как-то недружелюбны русские. В чём причина? Но всё же я напечатаю кое-какие статьи, кооторым и время, и место. Не слышать ли чего нового из Америки? Там Осин Демьян, он будто состоит в одной организации, стягивающей русских выдающихся людей. А Америка, слышал, очень нуждается в артистических силах. Уж не наша ли очередь просветить её искусством? Тогда надо работать в этом направлении. Я, к сожалению, не знаю адресов ни Анисфельда², ни Демьяна. Укажите, если узнаете. Был у меня там поклонник Реет, но ответа нет, за 5 лет много воды утекло. Вероятно, переехали.

Сюда приходил ко мне ещё один петербуржец Саша Чёрный, он тут с 914 г. уже где-то в югославской земле, написал много сказок. Теперь я их буду иллюстрировать. Тут и Гессен, и издательство, о котором я не знал ничего. Неужели в Лондоне нет ни русских газет, ни журналов. Я бы очень хотел видеть.

Целую крепко Вашу руку и кланяюсь Вашей жене
Ваш Борис Григорьев

P.S. Станкевич, читал доклад «О Новой России и путях сближения с нею». Вновь внёс надежду, Освобождение её от большевиков, полагается на Красную Армию, которая становится национальной (!). А ведь это верно! Русскому народу не нужны гастролёры! На веки вечные им быть!

Архив Музея Рерихов, Москва.

25 апреля 1920 г. Лондон.
Письмо Н.К. Рериха к Григорьеву Б.Д.

Дорогой друг, я забыл вложить в прошлое письмо снимок с эскиза к «Экстазу» и мой портрет. По использовании – верните. Надеюсь. Дойдёт ис-

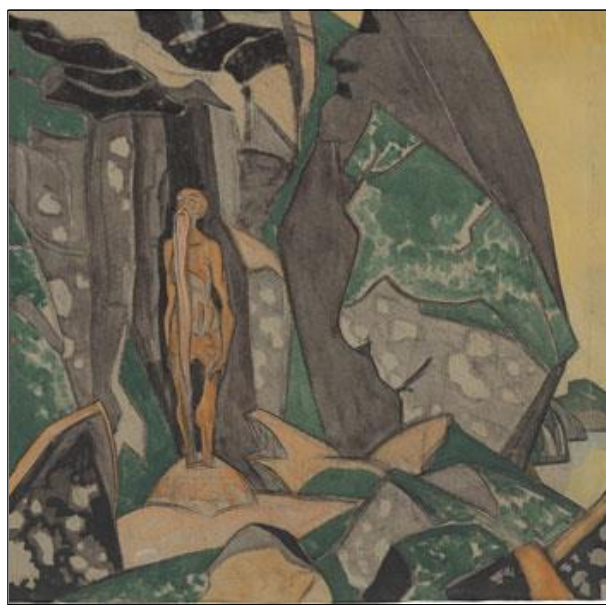
² Борис Израилевич Анисфельд (1878-1973) – российский и американский художник, сценограф.

правно. Строю выставку – очень хлопочу эти дни. Ведь помочь некому. После открытия опишу, как идут здесь выставки.

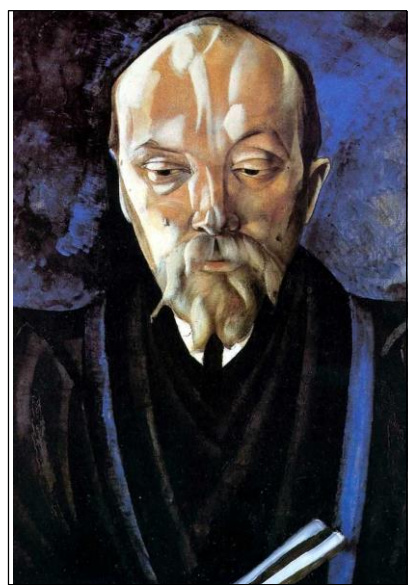
Ваш Н.Р.

25 апр.1920.

Н.К. Рерих. 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011. (Из архива К.Б. Григорьева).

Н.К. Рерих. Экстаз. (Эскиз) 1918.

К.Б. Григорьев. Портрет Н.К. Рериха. 1917.

25 апреля 1920 г.

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

Berlin 25/IV 920

Дорогой Николай Константинович, сейчас получил от Вас вторую открытку, где спрашиваете «о чём я не говорил» и «о какой зависти я упомянул». Ей Богу, ничего не пойму. Кажется, во всех моих письмах к Вам я всегда искренен, но думаю, что я Вам позавидовал в том месте письма, когда читал, что Вы в мае увиделись с Яковлевым, т.е., мне показалось, что Вы едете в Париж. Я так понял, ну а Париж для меня всегда был городом, где мне хотелось бы снова побывать и пожить. С ним у меня так много связано. Вот я и позавидовал Вашей поездке, столь близкому расстоянию от Лондона и столь возможному налегке туда путешествию; тогда как отсюда ужасно трудно попасть в Париж по тысяче препятствий.

На первую открытку я Вам ответил, <помню> много написал о самом себе, о моём новом цикле работ. Теперь Вы снова меня тревожите сообщениями об Италии. Но я уже недели 2 тому назад отослал 60 моих работ в Венецию, застраховав 3 пакета по 800 м. каждый, ибо это была высшая страховка.

Вы, конечно, не могли знать о каких-либо там беспорядках заранее, да и сам Безродный ничего мне не писал, а только соблазнил всякими возможно-

стями устроить мою «индивидуальную» выставку при всемирной³. Меня это увлекло, и я тотчас же туда отправил. Думаю, что обойдётся благополучно, тем более, что застраховано, но что происходит в Италии, мне совершенно неизвестно. Относительно самого Безродного, я о нём узнал только от Вас. И никогда его нигде не встречал. Весь риск в том, что я послал мои работы, вторую половину, на его имя, не на выставку. Знаете ли Вы Безродного больше, чем я? Он мне прислал целый ряд разных бланков, указывал, как надо отправить и пр. Думаю, что всё обойдётся благополучно. От него не могу ещё иметь сведений – рано. Но пишу ему письмо. О ценах я также написал Вам, но если бы Вы не получили этого письма, сообщаю ещё раз. В марках не хочется писать, потому что 2.000 м. за рисунок я получил, ну а за масло от 4.000.

Ради Бога простите за все эти лишние разговоры, мне, право, совестно.

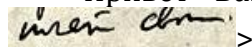
Что только делается на белом свете! Вы меня тревожите, когда пишете, что и у Вас неладно. Что же это?

Тут говорят, Бог знает что, а главное то, что *надежда есть* и что она близка. Вся работа врагов большевизма идёт, главным образом, в деревнях русских, там эту огромную силу, ещё не сломленную голодом, как в городах, подготавливают к выступлению. Тут-то и вся надежда, и вся истина. Много бежало из России комиссаров, а теперь будто бы и вожди ожидают заграницей. Ведь это будет начало конца. Так говорят всюду.

Впрочем, у меня в голове только искусство и я вполне счастлив, пока с ним не разлучим, как в Совдепии...

Сильно расхворался, всё ещё сижу дома. Вчера был бар. Дризен, очень скучные люди.

Привет Вашей супруге, моя жена Вас благодарит за поклон < и

 >

Ваш Борис Григорьев

Архив Музея Рерихов. Москва

27 апреля 1920 г.

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

Berlin 27/IV 920

Дорогой любимый Ник. Конст., я часто пишу Вам, потому что душа у меня мечется, сердце раскалывается надвое и горит от негодования мозг. Не сердитесь на меня, что отнимаю у Вас много времени и Вам совсем не надо считаться с ответом.

Только Вы один и поэт, и философ, и художник можете вслушаться в смятенный дух индивидуума, увидеть на расстоянии и муку, и горькие образы, которые он создаёт. У меня нет более сил, чтобы удерживать и спокойно смотреть на мерзости кругом. Враги наши вьют себе совершенно открыто тут гнездо, и от города, такого прекрасного весной, зелёного и душистого, осталась одна декорация. Как не идут к ней персонажи, голоса, звуки, томимые чем-то, угнетаемыми чем-то... А этот элемент, царствующий среди них, видимый до наглости и невидимый до истерики, зато ощущаемый отовсюду, он

³ XII Международное биеннале искусств в Венеции. Венеция, Русский павильон. 15 апреля – 31 октября 1920 г.

становится для чуткого ума и глаза тем же, чем для зверя- быка – тряпка пикадора. Теперь зверь запал даже в культурные души и в мозгу, испытанном страданиями последних лет; происходит такое, отчего он постоянно горит и мечется. Я ночи давно не сплю, а по ночам сражаюсь, изобретаю чудесные выходы, уничтожаю врагов такими хитростями, от которых наутро остаётся впечатление кошмара, усталости и сожаления, доходящего до слёз, до дикости, до полного упадка сил.

Ведь так нельзя больше. Деревья в зелени, в цветах, сын мой весел, жена блещет туалетами, а я в слезах и в такой тоске, от которой мне становится страшно.

Я решился, наконец, написать Вам о моём состоянии, я не могу от Вас больше скрывать моей трагедии, она будет Вам понятна сразу и Вы мне что-нибудь посвятите. Я так одинок, а теперь вдобавок и работу забросил. Слишком тяжело, ненормально тяжело. Там, в «Совдепии» я умирал тихо и дрябло, как старик, или мальчишка, но тут после полугода, я пришёл в себя, обо многом подумал и пришёл в ужас впервые от глубокого сознания *всего*. Вернулось сознание, да в таком масштабе.

Я прихожу к заключению, что это только может приходиться тут, в Берлине. Всё, всё, всё! Если б мог пересказать! Всё обидно, всё преступно, всё тайно – всё, всё не наше, не христианское... Ради Бога, поверьте, уж слишком, не могу молчать! А жизнь моя единственная, один раз, только один раз живу! А как много прошло, как далека юность. Как хочется ещё любить и быть любимым. Я решил. Уеду немедленно, как только получу визу в Париж, оттуда ближе к Вам, мой единственный, мой чуткий Н.К.

Как хорошо было бы получить от Вас эти 75 фунтов. Всё оставляю тут. Один, один! Пора. Довольно. Через несколько веков и забудут, и добро, и зло. Века страданий не искупят моих, уже выстраданных. Как хочется взглянуть на Вас. Что в Ваших глазах сейчас, в эту минуту. Не каждый это видит. Через 2 дня Ваша выставка, я её чувствую, устал я очень духом, а то бы описал Ваши вещи точь в точь!!

Крепко жму Вашу руку,

Ваш Борис Григорьев

Архив Музея Рерихов, Москва.

1920 г.

Письмо Б. Григорьева к Н.К. Рериху.

Дорогой друг, Николай Константинович! Многое прошло. Так бывает, но никогда не могло бы случиться, чтобы я забыл Вас. Я до сих пор вижу Вас (сейчас ещё яснее вижу) среди ржаной Расеи, среди зверей, говорящих и даже мыслящих. И вот как вижу Вас: всё тем же божком под небом, только теперь, подле Вас, столпились граждане; они выкопали божка из земли, разглядывают.

Помню Вашу голову, - молнии на лбу и так хорошо идёт к ней материал из камня. Если мой колорит - ржаной, то Ваш - каменный.

Как хорошо, что Вы не живёте в Париже! Здесь даже некому писать: чем-то похожи на лакеев, ну а другие - сплошь жулики. Среднее нечто между ними

- русские. И хочется быть подальше ото всех. И дай Бог, чтобы Вам было хорошо там, где Вы есть. Ничего не зная о Вас, я всё же думаю, что Ваша энергия и ум везде сделают своё, уж не говорю о Вашем искусстве, о Вашей "планете", которая всех давно очаровала.

Григорьев.

Из архива К.Б. Григорьева. Публикуется по изданию :Н.К. Рерих 1919-1920. СПб. "Косма". 2011.

28 апреля 1920 г.

Русское искусство

Лорд Гленконнер, леди Ньюнес, г-н Г. Дж. Уэллс и другие известные люди проявили "большой интерес к выставке картин, которую г-н Рерих открывает завтра в галерее Гупил. Среди огромной толпы космополитов, собирающихся на открытие, будет соотечественник и друг автора выставки композитор Лазарус Саминский. Я слышал, что г-н Саминский открывает в Лондоне общество для изучения фольклорной музыки.

Daily Graphic. 1920. 28 апреля.

Выставка Н. К. Рериха

От нашего корреспондента в Лондоне

28-го апреля в галерее Гупил открыта обширная (198 номеров) выставка произведений Рериха, составившая крупное художественное событие Лондона.

Лик Рериха сложен. К сокровищу его многообразного творчества подходы были трудны. Но зато, овладев путями мастера, открыли в них чудесные ценности. Во Франции Рериха сравнивают с Гогеном. На юге находят что-то общее с Монтигельмом. В Финляндии Рериха считают сродственным Галлену. В Норвегии ищут сходство с Мунком. В Дании мастера называют «Метерлинком в живописи». В Стокгольме находят восточное сродство — японское и индокитайское. В Праге Рериха называют византийцем. Испания Рериха сравнивает с песнями Рабиндраната Тагора. В России Рериха сравнивают с Врубелем,

Нестеровым, Суриковым. Так велика индивидуальность Рериха. Если взять многочисленные монографии о мастере, то вас поражает разнообразие подходов к творчеству Рериха. Мистик, теософ, путник, самоуглублённый искатель, многознающий и хранящий. В России всё чаще приходится слышать: рериховская туча, рериховский дым, гора, как у Рериха, вороны Рериха. Возникает как бы особый мир Рериха. Очарованная особая страна Рериха. При разнообразии красок, при неожиданности способов исполнения, при различности материалов для выражения, у Рериха мы уже теряем устремление к технике и забываем о сюжете. Перед нами вырастает особый духовный мир, властный своей убедительностью, притягательный своей простотой, прекрасный своей искренностью. В вечных исканиях Рерих кристаллизует своё искусство, находит новое обобщение линий, новое преломление красок. Свою выставку мастер назвал: «Очарования России». Этот художник, всегда любящий Россию, и здесь остался Йерным себе. И сейчас особенно дорого его творчество, творчество своеобычное, так непохожее на окружающее нас многое современное; в

нём мы прикасаемся к особому миру. Там свои законы, там своя связь, но правда там та же — убедительность, красота и прозревающая значительность. Около картин Рериха хочется тишины — будут ли это пейзажи со скалами и далёкими озёрами — будут ли это картины древней жизни, или образы, полные пророческих указаний. Хочется доверчиво подойти к тому общему языку, который лишь один может помочь разрозненному человечеству. Неотъемлемо входя в группу лучших русских художников - Серова, Врубеля, Сомова - Рерих заслуженно пользуется всемирною известностью. И на выставке в галерее Гупил, среди разновременных произведений мастера, обозначается ясно, что он идёт вперёд с новыми силами и краски его и ранее сильные и певучие становятся ещё сильнее и кристальней, а неисчерпаемость образов по-прежнему бесконечна. Драгоценно, что Россия может показать Европе искусство.

А. Руманов

Последние новости (Париж). 1920. 8. На русском языке.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих (1919-1920) Материалы к биографии. СПб. Коста. 2011.

Из воспоминаний И.Э. Грабаря:

«А вот тебе более интересные новости, которые я почерпнул из английских журналов. Рерих перебрался из Швеции в Лондон, написал чёртову гибель вещей, сделал там выставку, имеет сногшибательный успех, и картины у него берут нарасхват. Он целое состояние нажил... Я видел ряд его новых вещей, воспроизведённых в красках в английских журналах художественных, которые теперь выходят сплошь в трёхцветках только. Вещи недурные, мало отличающиеся от прежних....»

....Там же, в Лондоне, сейчас и так называемый Саша Яковлев, перебравшийся туда из Китая, откуда привёз множество замечательных рисунков и картин. Его точный и острый рисунок и вся техника как нельзя более подходит именно к китайским [лицам] и одеждам. Это он неглупо придумал. Тоже имеет большой успех».

Грабарь И. Э. Письма (1917-1941). М.: Наука, 1977. С. 44-45.

Из воспоминаний Рериха Н.К.:

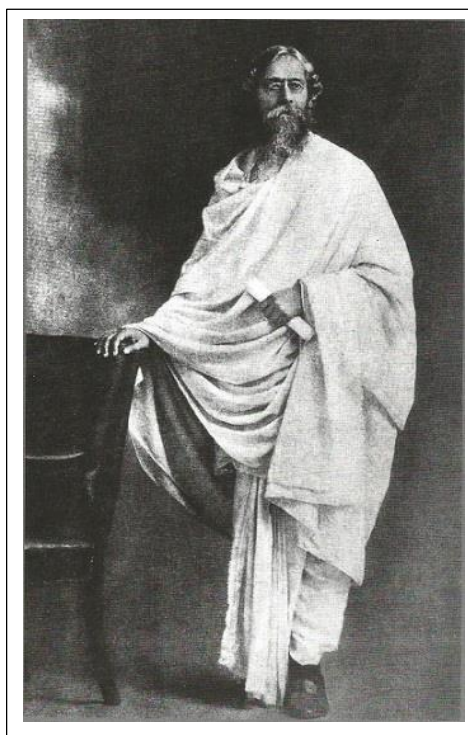
«...А вот и другое. Ещё в 1920 году во время моей выставки у Гупиля в Лондоне заявился некий чиновник из Министерства Иностранных Дел и смутил бедного директора галереи. Сказал, что картины вовсе не мои, что Рерих убит в Сибири и сам чиновник присутствовал на панихиде. Пришлось повидать его и уверить в моей самоличности...»

Н.К. Рерих "Листы дневника», т.2. М., 1995 г. (Из архива МЦР)

«...В 1920 г. во время моей выставки в Галереях Гупиля я встретил много друзей и с удовольствием вспоминаю епископа Бюри, Франка Брянгвина, лорда Глен-коннера, леди и сэра Самуель Хор, Хагберг Райта, сэра Сесиль Харкурт Смифа, Альберта Котса, Г. Уэллса и других представителей как официального, так и куль-турного мира. Вспоминаю, как в то же время мои картины вошли в собрание Музея Виктории и Альберта, а д-р Ионг предлагал мне остаться в Лондоне для совместных работ. Тут же и сэр Томас Бичам и пятисотое представление у Дягилева “Половецкого Стана...».

Кооперация. Н.К. Рерих «Держава Света», 1931 г.

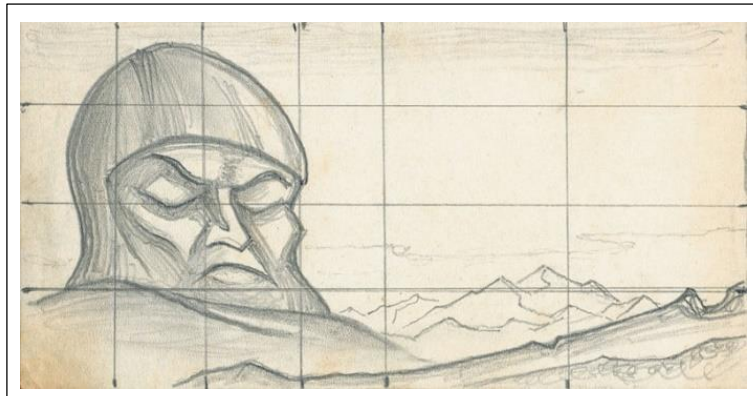
ВСТРЕЧА С РАБИНДРАГАТОМ ТАГОРОМ

Рабиндранат Тагор.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«Мечталось увидеть Тагора, и вот поэт самолично в моей мастерской на Квинсгеттерас в Лондоне в 1920 г. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась индусская серия панно «Сны Востока». Помню удивление поэта при виде такого совпадения. Помню, как прекрасно вошёл он, и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца. Ведь недаром говорится, что первое впечатление самое верное. Именно самое первое впечатление дало полное и глубокое отображение сущности Тагора».

Н.К. Рерих. Сон Востока. 1920.

Н.К. Рерих

ЩИТ

Всеобщий язык души является настоящей необходимостью. И с особой заботливостью и нежностью мы должны произносить имена тех, кто осознал в жизни то, чем мы по праву гордимся. Много серьёзных вопросов, но среди них вопрос культуры будет краеугольным.

Что может заменить духовную культуру? Продовольствие, промышленность - тело и брюхо. Но стоит лишь временно устремиться к вопросам тела и брюха, как духовный уровень народа падает. И перед угрожающим, несомненным возвратом к дикости дальнейшее падение уровня будет роковым. Во всей истории человечества ни продовольствие, ни промышленность, ни интеллект, не осенённый светом духа, не строили истинной культуры. И особенно бережно обойтись со всем, что ещё может повысить уровень духа. Не мечтаю, но утверждаю.

При всех новых созиданиях, при новом строительстве линия просвещения и красоты должна быть лишь повышена, но не забыта ни на мгновение. Это вовсе не отвлечённое суждение - наоборот, ближайший распорядок. Великая эпоха строительства предстоит человечеству. Подрастающее поколение, вне всяких повседневных нужд, должно готовиться к подвигу истинного, весёлого труда.

В Швеции я говорил: «Мы знаем, что Россия не перестала быть великой страной: после светлых преобразований на демократических принципах она займёт достойное место в сфере культуры, основанной на духовном и истинном богатстве. Мы знаем, с каким непониманием Запад относится к России... Даже лучшие его представители несправедливо и вредоносно судят о возможностях России. Но, уважая все культурные достижения Востока и Запада, мы знаем, что тоже можем явить поистине мировые сокровища, раскрыть в них культурный облик великого русского народа. Лишь только язык искусства и знания является подлинным и международным языком, истинным языком твёрдо установленной общественной жизни. Во внутреннем строительстве

нашем неумолимо мы должны, под благим знаком просвещения, вносить красоту и знание в широкие народные массы, вносить твёрдо и деятельно, помня, что сейчас предстоит не идеология, не формулировка, но именно дело, творчество, сущность которого понятна и ясна без многословия. Не слова, но дела! Мы должны помнить, что лик красоты и знания излечит народ от распущенности мысли, внушит ему основы достоинства личного и общественного, откроет сущность труда и в лучшем понимании укажет народу путь высоких достижений духа.

Но для этих простых основных усвоений русская интеллигенция, несмотря на её малочисленность, должна подвижнически выявить взаимное благожелательство, единение и уважение к многообразным путям духовных поисков.

Интеллигенция должна навсегда духовно оборониться от пошлости и дикости, должна из обломков и из самородков, с любовью найденных, слагать Кремль великой свободы, высокой красоты глубокого знания».

Знаем, что эти пути красоты и знания особенно трудны сейчас. Знаем, что материальная сторона предательски овладела человечеством, но мы и не скрываем, что надо искать путь подвига.

И здесь, в Лондоне, уже было утверждаемо: «Всячески надо стремиться возглашать и широко проводить в жизнь задачи подлинного искусства и знания. Помня, что искусство и знание - лучший международный язык. Помня, что сила народная заключается в его духовной мощи, которая крепнет из источников живой воды. Помните народную мудрость-сказку: источник мёртвой воды - то есть всё, что для тела, - связал, соединил члены разрубленного тела, но оживить тело можно было лишь из источника живой воды. Те священные источники должны быть открыты для исцеления мира. Нет зрителей - есть только работники».

Сейчас приходится говорить простым, понятным языком, точно на площади. Сейчас жизнь наполнена старыми знамёнами политических партий, изношенными, как стёртые, негодные лики монет. Сейчас забыт Человек. Просты и ясны слова человеческие, но ещё проще и яснее общечеловеческий язык творчества со всей его таинственной убедительностью.

Молодёжи предстоит подвиг внесения в жизнь искусства и знания. Так, замкнутые книгохранилища, как обёрнутые к стене картины, так вне жизни стояло часто искусство и знание. Но поколение молодёжи должно подойти к этой задаче высшими путями, действительно и жизненно. И труд, самый простой труд обихода, должен озариться исканиями и победами. Ведь пути искусства в их вековых наслоениях так углублены и бесчисленны, а истоки знания так бездонны! Какая весёлая трудовая жизнь предстоит вам, начинающим работать!

Красота и Мудрость! Именно молитва духа вознесёт страны на ступени величия. И вы, молодёжь, можете всеми мерами требовать открытия этих путей. Это ваше священное право. Но для осуществления этого права вы должны научиться открыть глаза и уши и отличать правду от лжи. Чётко запомните: не идеология, а действительное усилие необходимо.

Железо ржавеет. Даже сталь разъедается и распадается, если её не обновлять живительно. Так и мозг человеческий костенеет, если не дадите ему совершенствоваться неумолимо. А потому учитесь подойти к искусству и знанию. Эти пути, лёгкие потом, часто трудны вначале. Превозможите! И вам, мо-

лодёжи, предстоит одна из наиболее сказочных работ: возвысить основы культуры духа, заменить «механическую цивилизацию» культурой духа. Вы присутствуете при мировом процессе разрушения «механической цивилизации» и при созидании основания культуры духа. Среди народных движений первое место займёт переоценка труда, венцом которого является широко понятое творчество и знание. Кроме того, только эти два двигателя являются тем совершенным международным языком, в котором так нуждается мятущееся человечество. Творчество - это чистая молитва духа. Искусство - сердце народа. Знание - мозг народа. Только сердцем и мудростью может объединиться и понять друг друга человечество. Ведь понять - значит простить. Новые правительства напишут на знамёнах своих: «Молитва труда, искусство, знание» - и поймут, что вносящий истинную государственность не может ни на минуту забыть о подвиге духовной жизни. Иначе строителю нет путей, и его ожидает разрушение.

Вы, молодёжь, имеете право всеми мерами требовать от правительств путей искусства и знания. Со спокойной совестью вы должны иметь возможность сказать, что даже в самые тяжкие минуты вы помнили о великих устоях - красоте и мудрости. Вы не только помнили, но и по мере сил вносили в жизнь этот подвиг, который заменяет радость разрушения истинной радостью созидания. И в таком сознании - залог вашей будущей светлой жизни. Ведь вы знаете: вне искусства религия недоступна, вне искусства дух нации отсутствует, вне искусства темна наука.

Вы ведь знаете, что подвиг духа жизни творится не одними пустынноиками и столпниками. Подвиг творится здесь, среди нас, во имя того, что считается самым священным, самым близким Великому Духу. И сознание подвига жизни раскроет вам путь нескончаемо прекрасный.

И вот теперь обращаюсь к вам, молодым, со словами об искусстве и знании. Ведь вы - рыцари народа, рыцари духа - не останетесь во граде мёртвых. Вы построите светлую страну, полную красоты и мудрости. Не разрушением, а созиданием должно кончаться всякое слово. Знаем, что такое мощь созидательной мысли. И вот теперь, перед ликом великих поисков, мы должны сказать слова, идущие из источника самого лучшего: «Оставьте все предрассудки, мыслите свободно!». А всё помысленное во имя красоты и мудрости будет прекрасно.

И ещё скажу вам: «Помните, сейчас пришло время гармонизации центров. Это условие будет краеугольным в борьбе против «механической цивилизации», которую ошибочно иногда называют культурой. Заброшенный мелочами обихода, варварски искореняемый дух уже восстаёт. И растут его крылья. О, мои юные друзья! Храните ваш светлый энтузиазм и доброту глаз.

И мы не одиноки в нашей борьбе. Великий Учитель Свами Вивекананда говорит нам: «Разве не видите, что я, прежде всего, поэт». «Не может быть истинно религиозным тот, кто не способен воспринимать красоту и величие искусства». «Неприятие искусства есть полнейшее невежество».

Рабиндранат Тагор кончает статью «Что есть искусство» словами: «В искусстве индивидуальность в нас посылает отклик Всевышнему, который раскрывает Себя нам в мире бесконечной красоты вопреки беспросветному миру фактов».

Нет иного пути. И вы, друзья, в рассеянии сущие! Пусть и к вам просочится зов мой. Соединимся невидимыми проводами духа. Вас зову. К вам обращаюсь. Во имя красоты и мудрости, для борьбы и труда соединимся.

1920

Публикуется по изданию: Рерих Н. К. Гималаи — Обитель Света; Адамант. Самара: Агни. 1996.

30 апреля 1920 г.

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

Berlin 27/IV 920

Дорогой друг Ник. Конст., сегодня я получил от Вас письмо, пригласительную карточку на открытие Вашей выставки и статью о Вас, которая мне дала, хоть и очень мало, нечто новое о Ваших вещах. Значит, Вы тоже, так или иначе думаете с кистями в руках о том, что делается на белом свете, окрашенном красным заревом с востока. О, какая это поистине кровавая заря. И не бьётся сердце ей навстречу, а холоднеет мозг. Ужаснее всего, действительно, это то, что коммуна разрушает окончательно в людских душах значение индивидуализма, да и сам он начинает шататься в своей неустойчивости. Это <по виду> заметно. Наконец, как бестактно и вяло себя чувствуешь на этом ярко кровавом фоне, искалеченный какими-то ударами, отсебятинными орнаментами <ж...кого> вмешательства в изобразительное искусство. Уж правда похоже на то, что эти слишком понятные и слишком бездарные иероглифы служат для <...> товарищей. И в этом гаме мерцает искра гения христианства. Но я её вижу, она мерцает сейчас, как большая звезда, ещё ярче, и лучи от неё жарки. Вот этими стрелами, лучами, чем-то новым в искусстве, сокрытом, живут люди. Они же поведают о них и зверям. Вот и Вы засияли под Лондоном на чудесном небе, где так приятно каждому встречать пророка на своей земле. Но знаю я, дорогой Н.К., что конец будет скоро, скоро.

Прежде чем успеете сказать последнее слово, прежде чем дойдёте до желания крикнуть во всю мощь, настанет конец. И тогда, кто пел теперь, будет продолжать петь и после, уже о том, что было, или о том, что было бы...

Вот почему я сейчас не пою, а *изображаю*, ибо наслаждение вижу, как подлинно одинокий. Как подлинный эгоист в форме, вот, что единственное, что у меня не отнимут, и чем оно новее, тем яростнее. А там, пусть о моих ошибках судят люди как человека. Я же был только художник. Не есть ли «маски» мои – видения настоящего? Ведь и настоящее скрыто. Кто сожалеет об утраченном лакее, тот сохранил в себе лакея. Кто ищет <недоломанного>, чтобы совершить новый подвиг, тот дойдёт до пустоты. Вот она, эта пустота, она уже перед глазами, оттого начинают зевать. Многие, кто ещё так недавно был «задорно-юнень»... Бегут из «Совдепа» и бегут. Многих я уже видел и чуть, чуть было не оробел, потому что среди этих многих, *Kurfürstendamm* [знаменитый бульвар в Берлине – ред.] напоминает Гороховую...

Вы пишете, что Гессена мне было бы полезно повидать, не думаю, тут смотрят на русских талантов <определённо>, как на остатки русской нации (несмотря на миллион!!!) которые и сами потихоньку сойдут на-нет, если их совсем не трогать. Какая чувствительная точка зрения! Каким холодным сговором веет от этого посеянного семени. А ведь правы нехристи, душа

русского таланта и нежна, и робка, как у ребёнка. Хорошо, что мы с Вами это поняли...

Вот видите, я туда не хожу. Статью Вашу предложу напечатать в «Руси», кстати, не мог Вам послать до сих пор, был болен. Завтра.

Тут написал одну хорошую большую вещь на зло Берлинским красоткам. Огромная женщина, огромный зад, вся розовая, сидит спиной, её окружает весёлая пошлость "Dirnen" [блудницы (нем.) – ред.] . Дал волю выпуклостям, краскам, животному. Послал тоже в "Sezenion". Словом, живу будущим надеждою на переезд в Париж, а оттуда в Америку. Вы пишете про Париж из Лондона, - я же мечтаю о нём из Берлина. В этом вся наша разноречивость. Но мы понимаем друг друга, и я всецело на Вашей стороне, дорогой друг,

Пожалуйста, напишите мне о Вашей выставке, как она открылась? Должно быть это был весёлый и интересный день в Лондоне.

Боже мой, до сих пор ни слова из Венеции, не пишет этот Безродный. Кто он такой? Вы хорошо его знаете? Ведь 60 лучших моих работ там.

Крепко жму Вашу руку и кланяюсь Вашей жене.

На всякий случай пишу ещё раз цену 75 фунт. за все вещи.

Ваш Борис Григорьев

Архив Музея Рерихов, Москва.

МАЙ

1 мая 1920 г. Лондон

«ОЧАРОВАНИЯ РОССИИ» НА ХОЛСТЕ – МИФОЛОГИЯ И МИСТИЦИЗМ

Картины революции

Открытие Королевской академии на этой неделе заставляет подвести итог рассмотрению других выставок.

Николай Константинович Рерих, большая коллекция работ которого под общим названием «Очарования России» сейчас представлена в галерее Гупил, замечателен в основном как создатель образов в области Северной мифологии и мистицизма. Там он чувствует себя как дома; и чуткость, с которой он оформлял сцены для «Князя Игоря», «Пер Гюнта» и для нескольких пьес Меттерлинка, даёт общее представление о его хорошем вкусе и способностях. Как художник, Рерих обладает способностью обобщать основные черты любой сцены в манере изображения, которая является в одно и то же время строгой, ясной и декоративной.

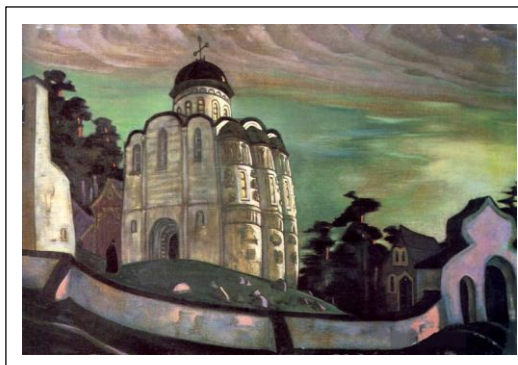
Подстёгивая воображение

Не менее значительными его работами в галерее Гупил являются некоторые пейзажные эскизы, такие как «Утёсы» и «Синие горы. Кавказ». Они показывают, что он имеет хорошую основу для многих своих воображаемых сюжетов. Возможно, наиболее удавшимися его работами являются те, которые вдохновлены «Вечной сказкой» - цитируем одно из его собственных названий

– и религией. Из последних, две: «Покаяние» - одинокая фигура, бредущая под снегом к церкви, и «Приют» - строение в романском стиле на пустынном склоне холма с солнцем, просвечивающим через верхушки пихт, и той же одинокой фигурой перед входом – особенно хорошие примеры. Они будоражат воображение, подобно старинной музыке, и очень хорошо выполнены.

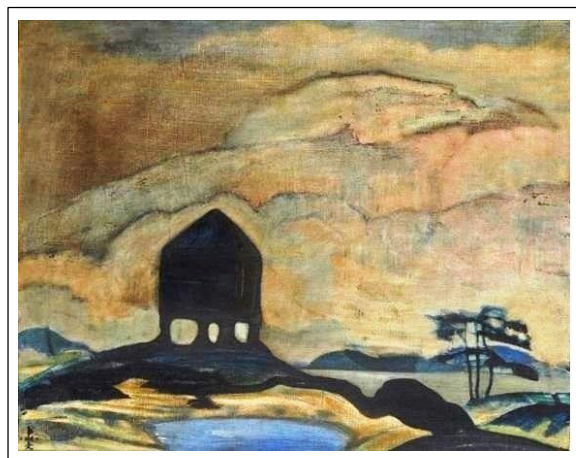
Покаяние. 1917.

Приют (Белый монастырь). 1920.

Русская мифология, особенно связанная с доисторическими периодами, насчитывает несметное количество сюжетов и тем, в которых есть цикл, как будто бы иллюстрирующий скандинавскую версию истории «Кольца» [*«Кольцо нибелунгов» опера Р. Вагнера в 4-х частях. - ред.*]. Там, где художник, так сказать, отступает от текста и полагается при передаче природы на своё воображение, - он менее успешен. Во-первых, он слишком склонен потворствовать тому, что может быть названо одной из концепций искусства воображения, которую мы называем «очень похожую на кита», т.е., иными словами, слишком склонен пользоваться возможностями случайно возникающего сходства, подсказанного сочетаниями скал и облаков. Но выставка не может не порадовать и не заинтересовать всех, кому нравится такое прочтение природы, которое глубже первого поверхностного впечатления.

Evening Standart. 1920. 1 мая.

Н.К. Рерих. Избушка. 1920.

**4 мая 1920 г. Лондон.
Хроника**

В галерее Гупил

Недавно я зашёл в галерею Гупил на Риджент-стрит посмотреть работы Николая Рериха. Его выставка называется «Очарования России». Это, несомненно, наистраннейшая коллекция картин, но, тем не менее, полная очарования. Как бы ни было трудно для зрителя, который никогда не был в России, вместить русские пейзажи, он, тем не менее, может оценить достоинства его картин и насладиться первозданной дикостью и хаотической простотой его цветовой гаммы. Это в высшей степени фантастично, но удивительно красиво и обладает странной привлекательностью.

Всё это особенно наглядно в серии «Принцесса Мален», написанной для Свободного театра в Москве, где очень красив «Сад перед замком», и живопись к опере «Князь Игорь». Мне понравились также «Мельница в горах», одна из декораций для «Пер Гюнта», и «Красные горы», принадлежащая к тому же циклу.

«Метерлинк в живописи»

Художник Рерих. Хотя и не очень хорошо известен в Англии, выставлялся за границей. С его творчеством уже ознакомились многие крупные центры, также как Прага, Париж, Вена, Брюссель, Берлин, Милан, Рим, Венеция, Стокгольм и Чикаго.

Среди почестей, которыми он был удостоен в последние годы, - президентство в обществе «Мир искусства», членами которого состояли от 40 до 50 русских художников, почётное президентство в составе Женских архитектурных курсов в Петрограде и совете художественного музея, основанного Обществом поощрения художеств. Он является также членом Осеннего салона в Париже и членом Реймской академии.

В статьях, посвящённых его работам, Рерих назван «Метерлинком в живописи» и «поэтом Севера», во Франции его сравнивают с Гогеном и Густавом Моро, в Швеции – с Мунком и Галленом; в Италии – с византийскими живописцами. Он является одной из сильнейших личностей в современном искусстве.

Тайна искусства Рериха

Рерих учился около года в Париже, до этого какое-то время работал в студии великого русского пейзажиста Куинджи. Его детство прошло в деревне среди лесов и гор, среди деревьев и широких просторов северных озёр. Именно там он научился понимать чудесную тайну жизни, наполняющую эти сюжеты, - той жизни, которую он с такой любовью изображает. Можно сказать, что картины Рериха полны всплывающих из прошлого первобытных воспоминаний, и в этом – половина их очарования, ибо они, по существу, наивны и просты.

Globe. 1920. 4 мая.

5 мая 1920 г.

Письмо Н.К. Рериха к Григорьеву Б.Д.

Дорогой друг мой, Ваше последнее письмо меня очень огорчило. Вам трудно и неисходно, и ведь и всем нам также трудно. И все мы чувствуем, что Запад стал маленьким и как-то нельзя его уже принимать серьёзно.

Впереди что-то иное. И вот всё до этого иного надо суметь выстрадать и перенести. Смешно говорить о наших успехах на Западе. Разве всё это <...>. Выставка идёт успешным английским темпом, но от этого темпа нас тошнит. Продаются мелкие вещи. Большие цены пугают.

Итак, милый, укрепляйте дух Ваш. Всем трудно.

Сердечно Ваш

Н. Рерих

5.V.1920.

Где мой портрет, о котором говорил мне Молло?

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

6 мая 1920 г. Лондон.

«Очарования России» Выставка картин Николая Рериха

Есть такое изречение: «Чтобы понимать поэта, вы должны посетить его страну». Но что вам делать, если страна поэта – сказочная страна, и его язык – эхо древних знаний? Когда его цвета – сияющие и постоянно изменяющиеся кристаллы, скрытые в глубинах земли, когда *линии его изображений заимствованы из очертаний движущихся облаков*, от острых профилей скалистых гор и ритмичных изгибов океанских волн? Как найти дорожку, ведущую к той земле, и как приблизиться к духу, парящему над его поверхностью?

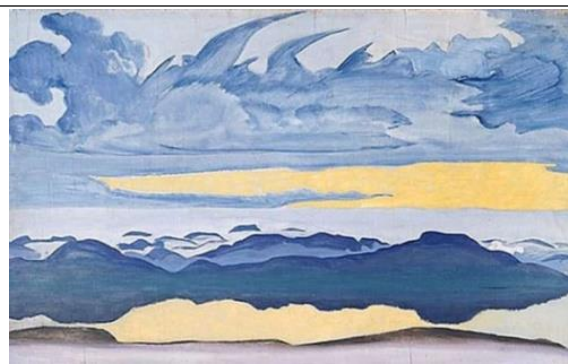
Сам художник – наш единственный возможный гид. Позвольте нам последовать за ним в это Королевство, которое Леонид Андреев, один из самых больших современных русских писателей, описал «Державу Рериха». Если сам художник рассказывает нам, что таинственная и *волшебная красота этих снегов*, скал, тихих вод и безграничных горизонтов, этих пламенных видений и пророческих мечтаний была вдохновлена Россией, что они и есть «очарования» России.

Наша обширная мать-родина, с севера и до востока, это бесконечная тайна. Что мы знаем о ней? Все новости – противоречивы и неопределённы. Как мы должны расшифровать эти загадочные письмена? Возможно, будущее человечества может зависеть от их значения, пока ещё неясного из-за кровавой мглы. Только интуиция художника может проникнуть в эту мглу, и его доказательство единственно правдиво. В эти дни мучения и смутного ожидания, в глазах русских, картины Рериха имеют особенно глубокое значение.

Рерих способен видеть дальше и глубже, чем непосвящённые. Через завесу временного он видит вечное. Через тёмный дым большевистских пожарищ он различает Россию невредимую и небесных воинов, пролетающих над её бесконечными равнинами на битву. Он знает, что истоки духа России охраняются невидимыми легионами, и его пророческий взгляд проникает через глубины, где бесчётные сокровища сияют в темноте.

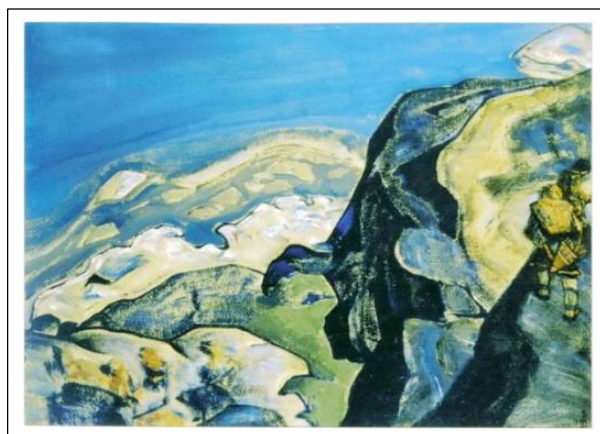

Всадник ночи. 1918.

Всадник дня. 1918.

Он знает, что настанет день, когда «Победители клада» снова найдут их и принесут свет и жизнь.

Победители клада. 1917. Эскиз.

Охрана священного города

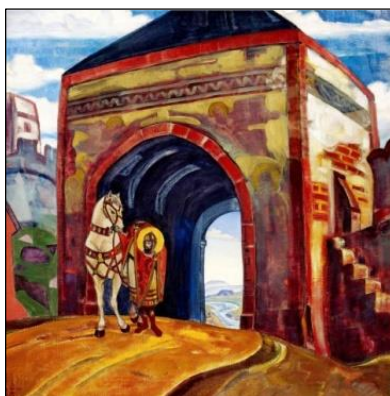
Рерих воплотил это пророческое знание в серии символических картин. Посмотрите на холст «Пречистый град – врагам озлобление»

Разве это не изображение нашей страны? Среди вспышек красного пламени возвышается белый город. Зловещие демоны угрожают ему базальтовыми палицами и готовятся закидать его градом камней. Но город охраняется доблестным воином на белом коне..., и вы чувствуете, вы верите, что «врата ада не одержат победу над ними».

«Пречистый град – врагам озлобление» 1912.

Изображение этого небесного воина, защитника нашего «Пречистого града», ныне погружённого в красный огонь, любимый символ искусства Рериха. Вы найдёте на этой выставке несколько версий этой легенды, созданной поэтической интуицией народа, чья история в течение многих столетий была наполнена войнами против иностранных завоевателей, внутренней борьбой и родовой враждой.

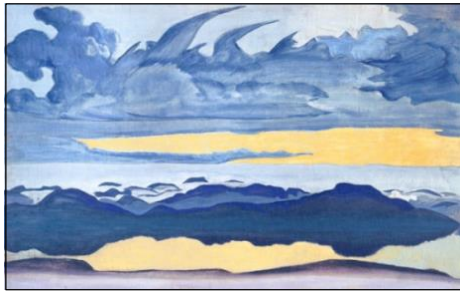
Св. Меркурий Смоленский. 1918.

Вот Святой Меркурий Смоленский, возвращающийся из героического подвига в свой родной город как его Спаситель, но неся в руке свою собственную голову, отсечённую неизвестным противником в сражении. Это новая ветвь на древнем стволе той бессмертной легенды.

Св. Глеб-хранитель. (Святые ушли – Глеба хранителем поставили). 1919.

Святой Глеб хранитель, согласно московской легенде, возникшей в нынешние дни печали и кровопролития, - единственный святой, который остался защитником златоглавого Кремля, в то время как все другие святые скрылись. Вот «Рыцарь вечера» и «Рыцарь утра» также соединились с воображением Рериха, и летят в доспехах над его землёй – вечной и невредимой Россией.

Всадник вечера. 1918.

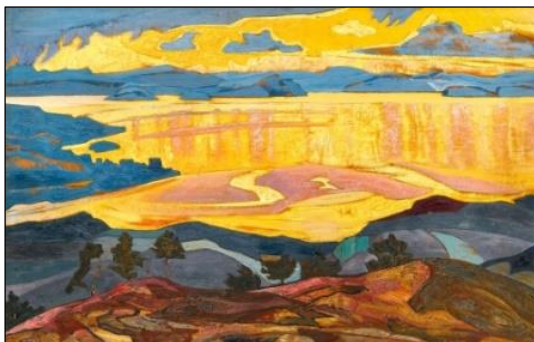
Всадник утра. 1918.

Таковы видения художника, в которых отражена мучительная борьба, сейчас бушующая в России. В ответ на тревожащий и настоятельный ответ: «Что должно быть?» - вдохновенное искусство Рериха раскрывает перед нами простую и вечную красоту «того, что было» и чему снова предназначено стать принципом новой жизни. Наш великий писатель Достоевский сказал: «Красота спасёт мир». Мы находим то же самое пророчество в картинах Рериха с необыкновенной силой, с которой он находит вокруг себя элементы вечной красоты, обещание воскресения и бессмертия. Никто не знает лучше, чем Рерих, как превратить в сокровище всё, чего он касается. Когда мы говорим о кисти Рериха, мы испытываем желание говорить названиями драгоценных камней, как по волшебству возникающих из глубин земли.

Карелия. Снег. 1918.

Вот нежные, подобно фиалкам, аметисты – его снега на рассвете, подобно изумруду – трава его степей, бледная бирюза его северных небес, перламутр – его облака, яшма и малахит – его скалы, янтарь и рубин – его закаты.

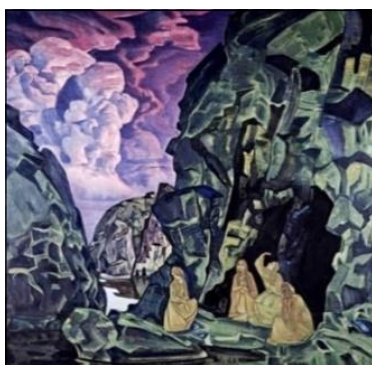
Перед дождём.

Северный закат.

Космические строители жизни

Всё, что сияет на его холстах, насыщено странной и простой жизнью. Та же самая жизнь выражена в немногих, но глубоко символических человеческих фигурах – жителях волшебной земли Рехи. Это – воины, отшельники, искатели сокровищ и предки многих поколений.

Сыновья неба (Дочери земли). 1919.

«Сыновья неба» спускаются к земным девам для того, чтобы могла родиться раса гигантов. Эти мужи знают тайны трав и камней. Они зажигают священные огни в бледном свете «белых ночей». *Стоя на вершинах гор. Они повелевают ветрами и облаками.*

Знамение. 1915.

Они – перворождённые, космические строители жизни, они строят из целых скал и правят твёрдо, как в былые дни варяги, пришельцы с Севера, чья кровь течёт в жилах их потомка, самого Рехи.

Поверхностный наблюдатель мог бы подумать, что Рерих – певец «Каменного века» и его примитивизма, что он является противником культуры. Но это не так. Рерих отклоняет поверхностную «материальную культуру», которая может быть охарактеризована как «электротехническое варварство». Как поэт и философ, с замечательной пронизательностью воспроизводит он в своих картинах глубокую и универсальную культуру духа, которая создаёт легенды и этносы, которая основывает строительство городов по берегам рек и посылает к неизвестным землям багровые парусники.

Поход Владимира на Корсунь. 1900.

Я не упомянул технику Рериха, потому что когда смотришь на его картины, о ней думаешь не больше, чем когда наслаждаешься закатом солнца, отражённым в глубоких водах, или замками, образованными в воздухе подвижными облаками. Живописец – это мастер в искусстве передачи своего умения с бесконечным разнообразием той идеи, которую он изображает.

Рерих лучше всех охарактеризован в следующих строках Оскара Уайльда: *«Художник стремится претворить в жизнь, в определённом материале, свою нематериальную идею о красоте и, таким образом, превратить идею в идеал»*. Невозможно говорить о «манере» Рериха, или о его линии, или поверхности его полотен. Можно только обсудить его «стиль», оригинальность форм, которые он создал, и цветогармонию, в которой раскрываются древние тайны Севера, также как неувыдающее обаяние бессмертной России.

Художественный путь Рериха – это путь непрерывного восхождения. С каждым шагом его горизонт расширяется, и всё, что он видит и изображает, приобретает более глубокое значение и большую простоту очертаний. Гений Рериха, вооружённый всей мудростью художественного опыта, в котором вдохновение поэта соединяется с мастерством цветогармонии, непрерывно поднимается к новым высотам совершенствования.

А. Койранский⁴

The New Russia. 1920. 6 мая. С. 13-14.

10 мая 1920 г. Берлин

Письмо И.В. Гессена к Рериху Н.К.

Дорогой Николай Константинович,

Что Вы и как Вы. Несомненно, я всецело виноват, что приходится задавать такие вопросы. Но в последнее время в Финляндии жилось так тяжело, так пусто и бесцельно, что писать было невозможно, не рискуя превратить письмо в бессильное брюзжание. Сейчас, как Вы знаете, мы в Берлине. Жена с сыновьями приехала после меня, мы устроились в небольшой квартире, теперь ждём ещё старшего сына с женой и внучкой. Их удалось вытащить из Петербурга 26 марта, но пока не получил ещё разрешения на приезд в Берлин. Сыновья ревностно изучают немецкий язык и надеются в ближайший семестр вступить в университет, что тоже сопряжено для иностранцев с большими затруднениями. Знаете Вы, вероятно, и то, что мы основали русское издательство «Слово»: мы внесли два миллиона марок и столько же внесла фирма Ул-

⁴ Александр Койранский – художник, гравёр и критик. Был редактором московских новостных газет «Русское слово» и «Утро России».

льштейн. Открываем большую типографию в Данциге, полагая, что оттуда удобнее распространение книг как в Россию, так и вообще по белому свету, по которому русские рассеялись и расплылись. Работы по организации очень много, и она поглощает не только время, но и мысли. Надеюсь, что удастся крупное культурное дело. Серьёзным препятствием является плохой курс германской валюты, лишаящий возможности привлекать русских авторов, живущих за границей, а без этого мы не можем развить широко своей деятельности. Между прочим, что у Вас с Боннье, будет ли он издавать Ваши сочинения, и что именно Вы ему продали и как продали?

Здесь я встретился с Борисом Григорьевым, который согласился исполнить для издательства небольшую работу. Он мне между прочим сообщил, что Вы предполагаете переехать в Америку. Неужели это верно? Мне кажется, это было бы большой ошибкой, прежде всего с точки зрения интересов России. Напишите мне, какие у Вас на этот счёт соображения.

Случайно увидел у Григорьева номер «Студио», Вам посвящённый. Представьте радостный сюрприз, когда на первой же странице увидел изумительного Тирона, которым так много наслаждались в Сердоболе.

А Сердоболь – это ведь целая полоса жизни. Весь день вчера я перелистывал «Студио» и предавался воспоминаниям: много было пережито и есть о чём поразмыслить. Где и когда мы с Вами ещё встретимся и при каких условиях. Я не стал с тех пор оптимистом, но уже не с точки зрения России (по прежнему убеждён, что, сколько бы мы ни ошибались во времени, но конец большевиков неизбежен), но что будет с Европой вообще, относительно этого никакой уверенности у меня нет: считаю наши дела очень плохими, нет лозунгов, нет одушевления, мощи, и отсюда какое-то преклонение перед большевизмом, который, однако, никаких творческих сил не имеет, и одержим исключительно разрушительным стремлением.

Ещё раз говорю – бросьте мысль об Америке, в особенности мысль о воскрешении там «Мира Искусства». Это мечта совершенно беспочвенная, и слишком переходный характер имеет настоящий момент, чтобы можно было предпринимать столь серьёзные решения.

Горячо обнимаю Вас, напишите подробно обо всём, Вас и семьи касающемся. Все мои шлют искренний привет и душевные пожелания Елене Ивановне и Вашим студентам. Так хотелось бы лично взглянуть на все подробности Вашей жизни. Будьте здоровы.

Ваш И. Гессен

10. 5.20.

[*Приписка от руки*]: Это письмо получил вчера, 13. VI, обратно, ибо, как писал Вам, адрес был указан неверно, посылаю его вновь.

Архив Института «Урусвати» (Центр науки и культуры, Дели). Ф. 1. Оп. 1. Д. 32.

11 мая 1920 г. Monte-Carlo

Письмо М.К. Тенишевой к Рериху Н.К.

11 мая 1920 г.

Добрейший Николай Константинович,

Получили № «Студии» здесь, в Monte-Carlo, где мы гостим, и на днях направляемся в Париж. Задержались мы на Ривьере по причине забастовок и прочих прелестей, которыми давно уже пресытилась моя душа. Спасибо Вам за

память, приятно было видеть, чем Вы живёте, как близко сердцу Ваше слово творческое.

Приятно, но больно, больно потому, что я так оторвана от всего родного!

Все мои планы на будущее, надежды и начертания деятельности, к которой я готовилась после войны, канули в вечность, и передо мной лишь осталась зияющая пропасть.

Не помню, говорила ли я Вам, что я окончила в 1915 г. Археологический Институт, что за диссертацию была мне присуждена золотая медаль, что диссертация должна была быть напечатана и я приглашена была в качестве приват-доцента читать секции в Институте. Для этой цели мы решили жить в Москве, купили дом, где можно было устроить эмальерную мастерскую и в свободное время от лекций работать и творить.

И вот нашей разрухой всё это сметено, включительно до моих книжек с рецептами эмали, котор[ые] хранились в Банке и пропали вместе с остальными.

Во Франции жить больше не хочется, слишком тяжелы обиды, нанесённые ею России. Ещё ведь не у всех умерла гордость, простить будет трудно!

Так жгучий вопрос терзает душу – где жить, чем жить, для чего работать?!

Пусто, пусто на душе и холодно.

Вот почему я стала вообще мало писать и прошу Вас этому не удивляться. Сердечный привет Вам и Вашим.

М. Тенишева

Архив Института «Урусвати» Ф.1. Оп. Д. 16.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. Материалы к биографии. (1919-1920.) СПб. 2011.

11 мая 1920 г.

Письмо Б.Д. Григорьева к Рериху Н.К.

11 Мая 1920

Дорогой Николай Константинович,

Вы, наверное, уже собираетесь в путь. Счастливцев! Буду думать о Вас так, чтобы счастье Вас не покинуло и там. Дай Вам Бог нашуметь и в новом свете. Ведь там так много сейчас русской шантрапы, и Вам необходимо поднять Ваше русское искусство в глазах американцев. Я, конечно, не говорю о Прокофьеве и двух-трёх художниках вполне приличных. Но из гениев Вы будете там единственный.

Григорьев

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

12 мая 1920 г.

Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

Berlin 12/V 920

Дорогой, любимый Николай Константинович, спасибо Вам за отпечаток журнала и Ваше письмо, которое меня не только поддержало в трудную минуту, но и окрылило. Одно время мне казалось, что не для чего жить, что всё уже

прошло, что было хорошего на земле. Но вот, из Ваших слов я узнаю вновь силу и любовь. И как отрадно было взглянуть на Ваши работы, ведь я так давно их не видел, за исключением тех, которые висели у меня дома в СПб., где остались со всеми другими вещами, замурованными в чердачке, прилегающем к моей квартире. Об этом чердачке никто не знает. Там, наприм., хранятся такие редкости, как письма ко мне Кнута Гамсуна⁵. Да и целая куча других, редких и милых мне рукописей и вещей, а главное, книг и картин. Почти все картины, принадлежащие Молло (моей работы) там, но портрета Вашего, увы, у меня нет. Дело в том, что с выставки «Мир искусства», он был приобретён в Третьяковскую галерею, без моего ведома, ибо это было дело в Москве, а мне Кандауров не имел чести сообщить, <поглощённый > вниманием к нашей выставке Комиссии и Морозова. Я даже хорошо не знаю, куда он попал, в Галерею или к Морозову, т.к. в тот раз много моих вещей попало в Третьяковку, а также к Морозову. В Третьяковку 8 вещей. Вы, конечно, на меня не обидитесь за эту неаккуратность. Тем более, что нам, я уверен, придётся скоро встретиться и тогда я сделаю с Вас и для Вас только, настоящее изображение. У меня и до сих пор, представление о Вас «буддийское» (?) помните? Или уже всё забыли, что было когда-то вокруг Вас? Я сидел и разглядывал Вашу Лондонскую монографию, как ко мне постучался Гессен, он так был неподдельно рад увидеть Ваши работы, что унёс с собою этот журнал⁶. Гессен мне рассказывал долго с любовным устремлением вдаль о Сердоболе, о Вас, о том, как не только он, но и Вы, впервые встречали весну вдвоём, каждое утро прогуливаясь вместе. Ах, он вспомнил эту весну с особенным смокованием. И ... в сущности в эти минуты я его полюбил, я увидел в нём человека, душу, и то, что есть в нас. Я говорю о людях с христианским началом. Он просидел у меня час, Смотрел мои все вещи из цикла «Лики России» и кое-что из напечатанных вещей, а также «Россею», мою знаменитую книгу. Потом ушёл тихим. На утро я получил от него письмо искренностью напоминающее христианскую душу, там он высказался совершенно. Просил не уезжать в Америку, быть ближе к родине, которая не может погибнуть, имея таких художников, как я и т.д. Пишет, что весь день не мог сосредоточиться, что много думал. Но время меня настолько искалечило, что веры в людей больше нет, а я сомневаюсь в каждом человеке.

Немножко радостное настроение ещё и оттого, что встретил Потоцкую - нашу дивную актрису, с душою талантливой и мятущейся со светлыми волосами и глазами с бесконечным богатством души, которая тут растрачивается даром. Она на немецком языке (!) играет в немецкой драме с лучшим артистом Moissy, чей портрет я уже написал. Сегодня вечером она собирается ко мне, будет бар. Дризен читать роман в <...> (Россия), Я думаю, что будет скучно. И ещё один какой -нибудь сотрудник Саша Чёрный, вот и всё русское общество. Немцы лучше, много лучше, я с ними дружу. Очень интересуют меня Ваши спиритические сеансы.

На этом месте меня вчера прервали мои гости. Читал Дризен очень мило до 2-х часов ночи, роман, конечно, очень слаб, это записки старого человека в свободные минуты, а их теперь очень много у беженцев. Сегодня у меня радостный день. Получил известие от Безродного, что выставка в Венеции открыта и мои 10 вещей успели во время, а также другие 50 рисунков им

⁵ Кнут Гамсун (1859—1952) — норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1920 год.

⁶Русь (Russ). Ежемесячный журнал. Берлин, март-апрель 1920. № 3—4.

получены и они будут висеть. хотя в каталог опоздали попасть. Итак, Вам моё спасибо за всё. От Яковлева получил письмо и каталог с выставки в Париже. Он пишет, что 26 м[ая] открывается его выставка в Лондоне. Вы наверно его уже повидали, увидели его работы; я очень хочу узнать о нём Ваше мнение. Материал о Вас хочу поместить в журнале «Жизнь и труд», стал тут выходить, ничего себе №№. Вы разрешите сделать распечатки с присланного Вами оттиска? Хочу сам о Вас написать. Очень жаль, что приходится разбрасываться: писать портреты и рисовать для книги стихов С. Чёрного. Но трудно жить стало. Во всём остаюсь самим собою. Как жаль, что не могу до сих пор послать Вам “Wicland”, он со дня на день ожидается.

Горячо жму Вашу руку и ещё раз благодарю за дружескую поддержку.
Привет мой Вашей супруге

Ваш Борис Григорьев

Архив Музея Рерихов, Москва

13 мая 1920 г. Лондон.
Письмо Н.К. Рериха к Григорьеву Б.Д.

Дорогой мой, спасибо за вести. Хороши или плохи – иное дело, но важно держаться вместе. Через два дня еду к американке и надеюсь ей потом показать Ваши вещи. Ставить их просто в галерею на продажу считаю вредным и бесполезным. Набегают хорошие отзывы о моей выставке. Говорят о явлении, но всё-таки нет вкуса ещё раз здесь показать. Даже в самых высоких похвалах мы чужды.

Спасибо за передачу приветов Гессену. Скажите ему: не хочет ли он перенять от Alb. Bonner (Stockholm) мою книгу. Они заплатили задаток и держат издание уже целый год. Думая, что ввиду антибольшевистского содержания. А между тем за год книга уже разошлась бы среди русских колоний и на выставке.

Приехал Яковлев. Ко мне не идёт. Слышу, не рассчитывает на успех в Лондоне. Даже думает, не пришлось бы доплатить. В Париже была продажа на 50 000 фр., и он считает это чем-то особенным, но ведь по курсу это 860 фунт. И сейчас я, заработав 3000 фунт., считаю это малым. Такова разница жизни и дороговизна в Лондоне.

Получил я письмо от Билибина. Он – в Африке – имеет приглашение в Прагу. Это правильно, ибо его графика там будет у дела и там его знакомые. Там - Озаровский. В сущности, нам всем следовало бы выставить в Праге. Друзья! Имеете ли вести из Венеции?

Итак, будем по-прежнему бороться и вносить красоту.
привет супруге.

Сердечно Ваш

Н.Р.

13.V.1920.

Из архива К.Б. Григорьева. Автограф письма.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

18 мая 1920 г. Нью-Йорк.

Письмо Г. В. Дерюжинского к Н. К. Рериху

1931 Broadway / Studio 433 N. Y. C.

18 мая 1920

Дорогой Николай Константинович,

Спасибо за Вашу память. Ваши брошюры получил. Как приятно было вновь увидеть хотя бы в воспроизведении Ваше творчество, и радуюсь от души, что Вам удалось спасти и увезти столько прекрасных вещей. Я хорошо помню, как когда-то 2 года тому назад Вы высказали мысль, что истинно художественные вещи так или иначе спасаются от разрушений, что истинно художественное произведение имеет вокруг себя таинственную атмосферу, предохраняющую произведение от гибели. Надеюсь, что это правда, и не только касательно произведений, но и истинных талантов. Будем стараться верить, что животворящая сила гения не оставит наших талантов и сохранит их на славу и спасение нашей бедной Родины.

Что касается Вашего предположения о студии, постараюсь Вам подробнее на это ответить. Та дама, о кот. я Вам уже писал и с которой я тотчас же снёсся по получении Вашего письма, сейчас уезжает на лето и обещала отнестись внимательно к этой мысли тотчас же по возвращении в город осенью. Теперь лето, и время самое плохое.

Однако кое-что можно подготовить. Я бы Вам советовал совсем не надеяться на Birnbom"а. Вам следует избрать тот же путь, кот. шёл Анисфельд. Для него Бруклинский музей сделал выставку, взял на себя и рекламу, и прессу. Писал о нём некий д-тор Brinton, я его знаю. Засим выставка объехала всю Америку, и наконец, вернувшись в N[ew] Y[ork], Анисфельд сделал выставку в галерее г-на Kinggora. Я его тоже знаю.

Вот это важно знать.

У Scotts [Fuobes] помещений для выставок нет, и он за большую выставку не берётся. У Kinggore"а же помещение огромное.

Что касается студии, для этого необходимо Ваше личное присутствие. Я тогда могу свести Вас с рядом нужных людей и, составив комитет дам-патронесс, дело двинуть в связи с выставкой. Это дело верное, делать же так, чтоб получить аванс денег, — невозможно.

Другое же предприятие очень возможно в связи со студией — развитие прикладного искусства под Вашим руководством, может иметь, кроме учебного интереса, ещё большое поле в коммерческом мире. Именно тут нет вовсе того, что мы называем прикладное искусство. Вот тут Вы со своим вкусом, стилем и организаторским талантом можете сделать очень многое. Тут и я с лепкой сгожусь — скажем, для майолики. Вот подумайте об этом. Печи для обжига есть, и недороги, топятся газом и стоят \$180, величина внутри печи 20-14 инча. Вот что я ценю — глина для этой цели 3 фунта. Это тоже дёшево.

Продолжаю быть профессором в Beaux Art Institute именно ради роста популярности среди учеников и для связи с возможностями, кот[орые] Вы планируете.

Посылаю Вам ответ из Вашингтона относительно визы на въезд в С[оединённые]-Шт[аты]. Обнимаю и жду.

Ваш Г. Дерюжинский

Архив Института «Урусвати» (Центр науки и культуры, Дели). Ф. 1. Оп. 1. Д. 34.

21 мая 1920 г.

Русское искусство

Творчество Рериха, выставка которого проводится в галерее Гупил, является вкладом не только в современное искусство, но и в философскую и религиозную мысль. Он сам провозгласил свою доктрину: «Место человека во Вселенной — вот что важно»; и интерес к этой главной философской проблеме привёл его к постижению видимой Вселенной и человеческой деятельности (особенно психической) в духе благоговейной простоты. Такой подход, давая ему знание и понимание легенд и религиозной жизни как языческой, так и христианской Руси, отражён в его собственной поразительной технике с присущей ей символикой цвета и формы. Не испорченный пресыщенностью скачущего по миру модерна Рерих подходит к природе с настроением авторов саг, с боготворящим напряжением мистика; он видит человека как крошечную фигуру, скорее неподвижную и тихую, — конечного перед ликом бесконечности. Именно такой склад ума даёт религиозный синтез его творчеству и помогает нам почувствовать единство между солнцепоклонниками, первыми святыми и монахом, который так неподвижно стоит в «Приюте».

Это отношение тихого восхищения и признания духовного значения Вселенной, искреннего, как у ребёнка, интереса к обыденному поведению людей отражено у Рериха в его понимании и истолковании структуры. Чувствуется, что именно осознанный замысел его пейзажей, скал, деревьев и строений — это не надуманная идея, навязанная им, а истинное упрощение, приближающее к сущности и достигаемое терпеливым ожиданием её понимания.

Однако рядом с этой простотой есть и научный склад ума, придающий его картинам литературное и сознательно-философское значение, который в сочетании с жизнерадостностью красок и мастерством живописца, владеющего способами выражения, придаёт его творчеству интеллектуальность, также как артистичность и духовность. Николай Рерих видит гораздо яснее многих и обладает гениальным умением передать своё видение.

Horace Shipp

Публикуется по: Н.К. Рерих. 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

Хроника

«Очарования России» — многозначительное название необычной выставки Николая Рериха в галерее Гупил на Риджент-стрит. Его картины замечательны как в техническом отношении, так и по вдохновению. Этот человек — художник-поэт и к тому же изумительный колорист: иногда он пользуется методами кубизма, но он слишком могуч, чтобы впасть в какую-либо манерность. Нам рассказывали — и это кажется правдой — что картины Рериха полны далёких первобытных воспоминаний. Деревья, скалы, обширные сияющие просторы северных озёр открыли ему свои тайны. «С замечательной интуицией он подошёл к пониманию далёкой жизни предков, которая когда-

то наполняла эти места». Я чувствую, что в этой живописи мы действительно как будто входим в мир, отличный от нашего, в мир мечты более примитивной расы. Возьмите две замечательные картины: «Горящее сердце» и «Весть Тирону», или тот же «Зов солнца», где странные фигуры, одетые в медвежьи шкуры, вместе танцуют на земле великих озёр и островов; или опять-таки «Варяжское море», где лодки викингов с их воинами в кольчугах отплывают вдаль от своего обнесённого стеной города на побережье. В «Сыновьях неба» — сражающиеся облака принимают человеческие формы и нисходят, чтобы соблазнить дочерей Земли; а разве не виделось нам такое в наших снах: замок с белыми стенами, в мрачный вход которого вступает «Белая дама», или «Подводное царство», населённое неведомыми формами русалок, рыб, светящимися пузырями? В начале столетия Николай Рерих был сильнейшим в русском искусстве, став даже выше Верещагина и самого Репина, у которых он учился; на сегодняшний день он является ярчайшей личностью в мировом искусстве.

Architect. 1920. 21 мая.

НАПУТСТВИЯ РЕРИХУ

Лондон. 24 мая 1920 г.

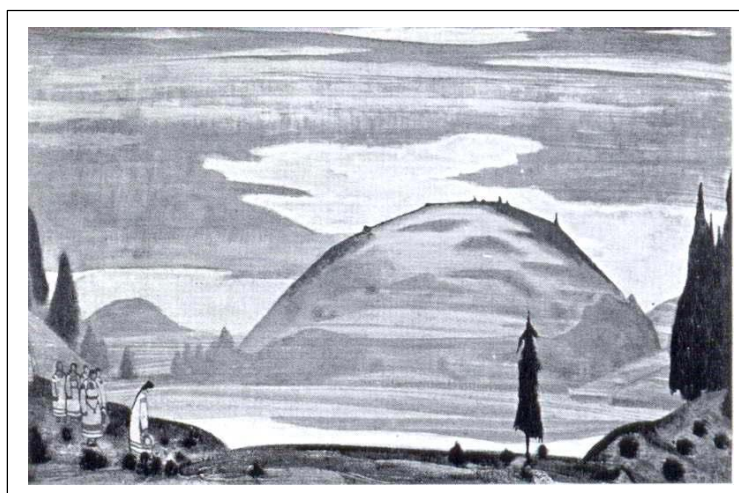
Чудо, сокровище через Рериха открывается

— Счастье то научу поймать.

— Рисуи лучшую долину для Снегурочки.

— Луч солнца должен осветить — луч стоит над счастливой долиной

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 1. М. 2007.

Н.К. Рерих. Ярилина долина. 1920.

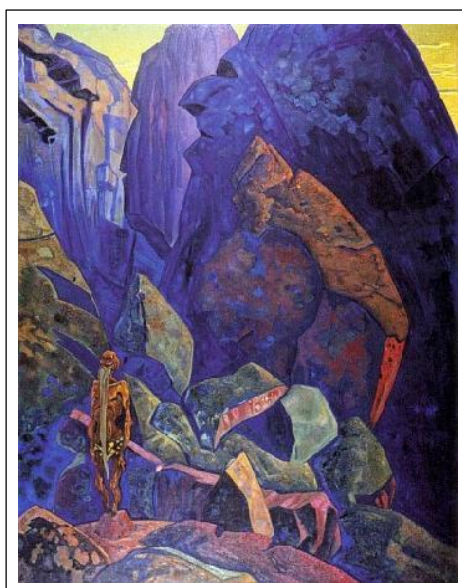
27 мая 1920 г. Берлин.

Борис Григорьев

РЁРИХ

Николай Константинович Рёрих. Его имя на устах мира. Но до большевистской революции наши русские невежды совестились, когда не могли объять его мистического таланта. Тогда они ютились в тихой сырости своей обывательской заводи. Но теперь враги искусства и всевозможные недоброжелатели русскому гению расползлись по всему миру. Немало их и в Берлине. Как часто слышу: «Рёрих — реакционер». Как будто новатор-художник непременно должен вдруг увидеть то, чего никогда не замечал прежде. И с каким-то наглым спокойствием говорит о нём какой-нибудь спекулянт или там дипломат новой формации: «Ах, знаете, не понимаю я Рериха». Вот эту наглую и сыто спокойную маску кто-то должен сорвать! Недаром художники всего мира взируют на Восток. Не оттуда ли должно придти освобождение искусства? Но долго придётся ещё ждать художникам, пока искусство Востока не переживёт эпохи дипломатии в искусстве. Эту болезнь сейчас больны все. Но только не Рёрих. Он чист остался. За это его считают «реакционером» и играют на понижение его духовной ценности.

Скажите, что это за новый тип спекуляции? Не следует ли миру оградить лучшее, что у него ещё осталось, от подобного рода «политики»? Где же энтузиасты? Ах, они растворились в переулках обывательщины и её потреб, более подлых, чем когда-либо, опорочивших даже чистую братскую идею социализма. Если мы знаем и допускаем тот аскетизм, который в старину создал парадоксальную философию и тем самым ничего не дал людям, кроме одного горя и смятения юношеских умов, то мы особенно внимательно должны отнестись к новому аскетизму. Это явление замечается сейчас не только среди злобных анархистов, но именно среди самых жизнеспособных художников, полных сил, и любви, и творческой воли. Их образы должны быть выявлены. Потому они и уходят от всего того, что разъедает мозг и сердце.

Н.К. Рерих. Экстаз. 1918.

Одна из последних картин Рериха «Экстаз» выставляется им теперь в Лондоне в «Гупил галерее», даёт прекраснейший образ современного нам отшельника, полного смятения и судороги... даже в одиночестве, среди скал, где он находит дружеские лики. Предо мной лежит журнал «The Studio», посвящённый нашему великому художнику, и я горжусь, когда подумаю о том, что Рёрих ещё способен потрясать душу человека. Ещё жива душа человека!

Рёрих - первый председатель «Мир искусства». Он был первым, кто остался верен искусству и, подобно Писсаро, бежал от политики к своим образам. Он остался не только цельным художником, но цельным революционером, потому что не остановился на творческом пути и, устремляясь всё дальше и дальше, во многом опередил наше смутное время.

За ним уехал Анисфельд и Александр Яковлев. Оба эти художника, первый в Нью-Йорке, второй в Китае, Японии и, наконец, в Париже, выявили подлинную мощь России. Билибин сидит в Африке. Шухаев перешёл границу. Бакст, Гончарова, Ларионов давно известны всему Парижу.

Вот этих членов «Мир искусства» и хочет собрать. Это уже общество. Но где? Этот трудный вопрос мы сейчас и разрабатываем. Но главное то, что «Мир искусства» уже существует! И существует наш председатель Н. К. Рёрих!

Голос России (Берлин). 1920. 27 мая. № 113. Четверг. На русском языке.

28 мая 1920 г.

Галерея Гупил

Каждый, в ком восприятие цвета глубоко, найдёт много интересного на поразительной выставке Николая Рериха «Очарования России» в галерее Гупил. Мы смеем надеяться, что такие работы послужат стимулом для тех наших художников, которые хотели бы сойти с проторенных путей и попытаться создать сильные декоративные эффекты. Некоторые из этих картин выделяются поистине поразительной свежестью и силой света и цвета (см. № 6), другие же отличаются сдержанностью и широтой, как, например, очаровательная работа (58) «Белая ночь», или (108) «Комната принцессы Мален». «Озеро» (36) — даёт восхитительный переход цвета, и при этом нас не тревожит несовершенный архаичный характер рисунка.

Публикуется по: Н.К. Рерих. 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

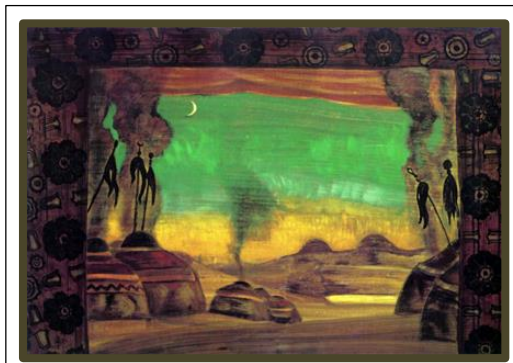
Из книги Н. Селивановой «Мир Рериха»:

«...Дягилев посоветовал ему [Рериху] выставиться в Лестер галерее Брауна, но места было мало и оно было занято на длительный срок. Поэтому выставка была проведена в галерее Гупил в мае 1920 года и называлась она «The Spells of Russia» ...

Выставка была принята весьма благожелательно и в прессе появилось много статей по искусству Рериха, среди них брошюра Н. Жаринцовой в жур-

нале «The Studio» - «Н.К. Рерих», статья Альберта Коутса в «Daily Telegraph», и ещё одна - сэра Клода Филлипса; статья г-жи Розы Ньюмарч в «Quest».

В результате выставки музей Виктория-Альберта пополнился двумя русскими картинами (первыми русскими картинами) – «Половецкий стан» и «Северный пейзаж». Многие картины были также приобретены частными коллекциями.

Н.К. Рерих. Половецкий стан. 1909 г.

Н.К. Рерих. Северный пейзаж с крепостью.(б.д.)

Некий доктор Юнг пришёл, чтобы увидеть художника после выставки и сказал ему, что его картины были особенно хороши для лечения цветом больных и выразил надежду о возможности позже купить некоторые для своей больницы.

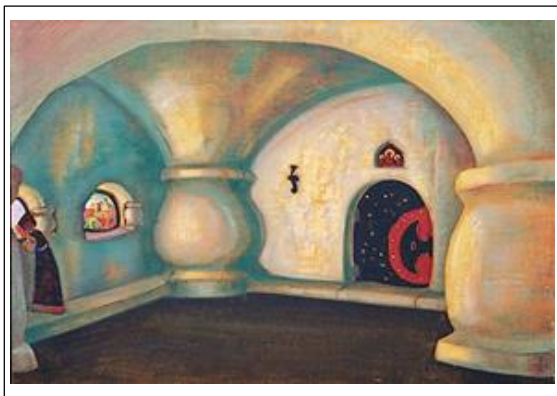
Было получено приглашение приехать в Венецию, когда картины были на выставке в Лондоне, но его пришлось отклонить. В то же время Роберт Харше из Института Карнеги Питтсбурга позвонил Рериху и пригласил его приехать в Америку, предложив организовать турне по США. Позже г-н Харше стал директором Чикагского художественного института и тур был организован под его эгидой. Это был первый шаг в сторону к Америке.

Были также приглашения от различных городов Англии - Ливерпуля, Эдинбурга, Лидса, Шеффилда, Вортинга и других. Из Лондона выставка перекочевала в Лидс, где она была открыта в июне. Но после решения Рериха поехать в Америку выставка была представлена только в Вортинге, где на открытии её выступили композитор леди Дин Пол (Ирена Регина Венявская, в замужестве леди Дин Пол, польск. Irena Regina Wieniawska, англ. Lady Dean Paul; 16 мая 1880, Брюссель — 28 января 1932, Лондон) — английский композитор польского происхождения) и профессор Павел Милюков.

В Лондоне художник увидел Альберта Коутса, которого он знал по России, когда Коутс был дирижёром Императорского Театра оперы в Санкт-Петербурге. Коутс представил его сэру Томасу Бичему, дирижёру театра оперы Ковент Гарден, который дал ему поручение восстановить декорации к «Князю Игорю», купленные сэром Томасом у Дягилева, а также сделать эскизы для «Снегурочки», «Царя Салтана» и «Садко». К сожалению, сэр Томас обанкротился, и это затронуло интересы Рериха и многих других художников.

Selivanova N. The World of Roerich. / New York. Corona Mundi. 1922.

Эскизы декораций к опере Н.А. Римского-Корсакова «Садко» 1920.

Горница Садко

Палата Садко.

Новгородский торг.

Подводное царство.

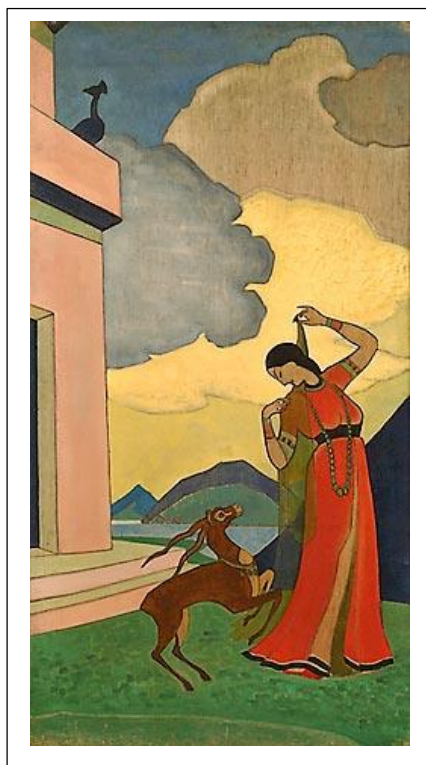
Из книги Н. Селивановой «Мир Рериха»:

Вместе с его работой для сэра Томаса, Рерих переписывал для Дягилева декорации к балету «Половецкий Стан». После многочисленных странствий и использования их в пятистах спектаклях, они были полностью изношены. Художник был в Лондоне, когда было дано пятисотое представление и он получил следующую телеграмму от Дягилева: «Te felicite, gros sueces, 500e spectacle Igor, ton decor a enthusiasme public de tous pays. Amities. Diagilev». (Поздравляем, большой успех, 500-е представление Игоря, ваши декорации пробудили восторг публики всех стран. Дружеский привет. Дягилев. – ред.)

На заказ от Л.М. Скидельски, бывшего в то время в Лондоне, Рерих выполнил ряд панно из серии «Сны Мудрости», которые должны были украсить загородный дом г-на Скидельски. Однако этот дом никогда не был построен, и заказ изначально очень большой постепенно сократился до нескольких панно...».

Selivanova Nina The World of Roerich – A Biography. New York: Corona Mundi, International Art Center, 1922. (Перевод с английского яз. Водолажской Т. и Исаевой.О.).

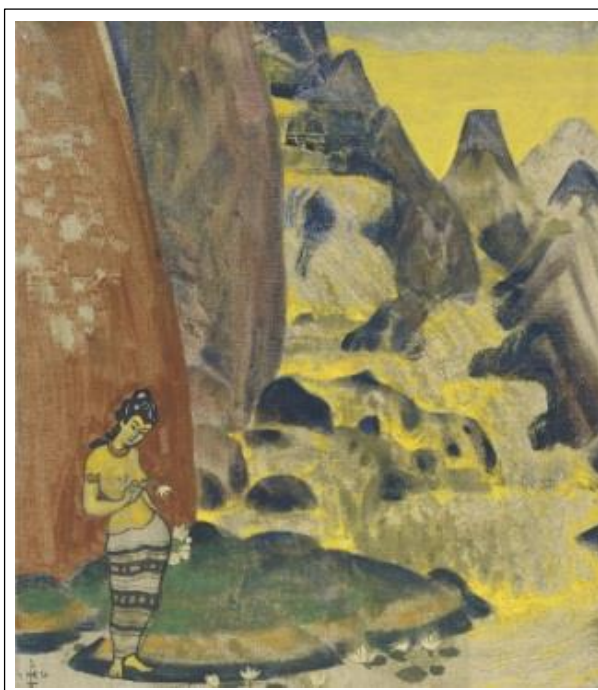
Н.К. Рерих. Серия панно «Сны мудрости». 1920 г.

Песня утра.

Язык птиц.

Песнь потока. (Эскиз)

Шум водопада.

30 мая 1920 г.

Галерея Гупил

Картины Николая Рериха, известного русского художника, которые заполняют весь первый и второй этаж галереи Гупил, являются по существу работой декоратора сцены. Считавшиеся такими законченными сами по себе, помимо их применения для сценической декорации, они едва ли оправдывают то чрезмерное восхваление, изливаемое на них критиками, которое цитируется в монографии, опубликованной «Studio». Его соотечественник Александр Бенуа пришёл к более взвешенному суждению в своей недавно изданной «Русской школе живописи». Он отмечает «намеренную грубость его техники», характер колорита, «напоминающий один из русских имбирных пряников и круглых караваев». Он называет его «очень одарённым человеком, но не развитого вкуса, полуварваром. <...> Он также с готовностью повторяет дешёвые эффекты, не сомневаясь, что в неразберихе нашей художественной жизни это пройдёт незамеченным».

Успех Рериха в Западной Европе, вероятно, основан на экзотическом, полу-варварском характере его искусства, и к тому же типично русской склонности к мистицизму, которая увлекает нас даже тогда, когда мы не в состоянии понять, куда она ведёт. Чтобы понять искусство Рериха, надо быть русским, или, как минимум, надо быть хорошо сведущим в русских легендах, фольклоре и древней русской истории. Не может быть сомнения в том, что он — декоратор необычайной мощи, но его декоративные замыслы относятся к сцене и могут быть должным образом оценены только посредством мысленной передачи с языка картины на мольберте на язык конкретной сценической постановки. Никто из тех, кто видел декорации Рериха к «Князю Игорю», вероятно, не забудет эти великолепные сценические эффекты. В качестве эскизов в рамках они теряют большую часть своей притягательности, хотя всё же сохраняют свой экзотический колорит и не кажутся тусклыми или банальными. В целом, я должен признаться, что нашёл его искусство слишком странным и интригующим, чтобы действительно доставить удовольствие. И я никак не могу отделаться от этой неприятной ассоциации его цвета и композиции с «русским имбирным пряником и круглым караваем», за исключением не таких уж редких случаев, где художник черпает своё вдохновение из японских источников....

Публикуется по: Н.К. Рерих. 1919-1920. Материалы к биографии. СПб. КОСТА. 2011.

Н.К. Рерих. Путивль. Декорации к «Князю Игорю».